

Телохранитель

Автор:

Игорь Пронин

Телохранитель

Игорь Евгеньевич Пронин

WarFist #3

Войны беспощадно меняют людей и их судьбы – будь то мирный житель, чей дом оказался разрушен бомбой, сброшенной с самолета, или солдат, отряд которого попал в засаду. С Михаилом Вихровым произошла странная история: его подставили, а потом изгнали из Легиона Свободы. Великолепно обученный боец, Вихров вынужден был стать гражданином Штатов Майклом Диланом и устроиться вышибалой в один из баров Нью-Йорка. Ему пообещали, что однажды он сможет вернуться в Легион Свободы, но ожидание затянулось, и Майкл невольно начал терять веру. Когда же ее практически не осталось, за ним пришли. И предложили стать... телохранителем. И не абы кого, а самого генерала Тейлора. Майклу предстоит вспомнить все, чему его учили, ведь теперь от него зависит судьба всего Легиона Свободы.

Игорь Пронин

Телохранитель

© И. Пронин, 2018

© ООО «Издательство «АСТ», 2018

* * *

Какая любовь, какая верность, какая преданность могут сравниться с любовью, преданностью и верностью сиделок с хорошим жалованьем?

Уильям Мейкпис Теккерей, «Ярмарка тщеславия»

Пролог

Они ждали караван целых шесть дней. Именно тогда Танго понял, что порой догонять все же значительно лучше, чем ждать. Бойцы группы не имели права даже снимать часть снаряжения перед сном, а о том, чтобы размять ноги, вообще речи не шло. Все передвижения только по команде начальства. Чтобы не заработать пролежней и окончательно не зачихнуть, они с Ромео по очереди переворачивались на спину, и время от времени, само собой, отхватывали заслуженный выговор.

– Ночью холодно, днем жарко! – Ромео потянулся, хрустнув страдающими суставами. – Что за страна?

– Афганистан, – лениво подсказал ему Танго, он же до формирования группы и вылета на задание Михаил Вихров, один из тысяч преданных бойцов Легиона. – Память отказывает?

– Ты, русский, глупо-то не шути. И кстати, откуда нам это знать? Где сказали, там и выпрыгнули. Может, мы и вовсе в твоей России?

– А может, я не русский или русский не из России? – пожал плечами Михаил.

– Мозги не пудри, Танго!

– А ты тогда не умничай. Лучше снова спой, Ромео.

Им было запрещено называться друг другу реальными именами. Почему? Если задаешь такие вопросы, быстро вылетишь из «обоймы» тех, из кого потом формируют группы для действительно важных операций. При этом ни с кем из нынешних товарищей Михаил до этого вроде бы не сталкивался. Впрочем, мог и ошибаться: камуфляж на лицах, что греха таить, порядочно сбивал с толку. Кроме того, за три года в Легионе он поменял немало дислокаций и почти ни с кем не сошелся близко. Предыдущая биография и качества отменного снайпера стали достаточной причиной, чтобы из подготовительной базы для новобранцев в Аризоне его забрали еще до окончания курса «молодого бойца». Впрочем, даже там он не представлялся настоящим именем, его знали только кадровики. Для сержантов Михаил стал Иваном Ивановым. Вот такая путаница. Но ведь он сам этого хотел. И получил сполна.

Ромео негромко затянул что-то с жутким ирландским акцентом, и Танго вздохнул. У него был весьма неплохой английский, прежняя служба того требовала. Но разобраться вот в этом хриловатом рычании он давно отчаялся. Нужно было иметь какие-то особые способности, чтобы вникнуть в этот весьма специфический акцент. Впрочем, ни сегодняшняя песня, ни обычный ирландский выговор Ромео еще ни о чем не говорили. Он мог оказаться, кем угодно и откуда угодно.

«Может, и вовсе земляк?» – мелькнула шальная мысль, но Михаил ее тут же отбросил, как совсем бредовую.

– А Черный Франсуа, наверное, караван ведет, не скрываясь, – сказал Ромео, резко прекратив петь. – Это мы тут должны прятаться, как крысы, а он и с местными, и с вояками небось уже договорился. Иначе не ходили бы эти караваны вообще. Верно говорю?

– Верно, – мрачно подтвердил Танго. – Переворачивайся уже, ниндзя-черепашка, а то у меня глаз замылился и позвоночник болит.

Бойцы с самого начала знали, что цель операции не только перехват каравана с наркотиками (или что там еще они везли на своих ишаках?), поскольку в таком случае их бы скорее всего просто перестреляли с безопасного расстояния. Группу забросили в горы и заставили ждать, потому что караван вел некий Черный Франсуа, которого так прозвали за то, что он всюду носил французское армейское кепи, только было оно вроде бы черным. Чем так ценен был этот Черный Франсуа, Танго не знал, но командир группы при одном упоминании

скривил губу так, что стало понятно – руководству он очень нужен живым. Может быть, даже сам Тейлор хочет с ним потолковать, что называется, «по-свойски». И Танго, веривший генералу, очень хотел предоставить ему такую возможность. Эта война ведь не должна идти бесконечно. Иначе весь мир скатится в кровавый хаос да там и останется. Танго искренне верил, что только Легион сможет остановить и продажных политиков, и окончательно утративших все человеческое наркоторговцев, но прежде было надо разобраться с самым мерзким из всех образований.

С Синдикатом.

Засопев, словно старый пес, Ромео перевернулся на брюхо и тут же прильнул к оптическому прицелу. Танго, опустив голову на сцепленные руки и закрыв глаза, собрался было немного вздремнуть, но тут на связь вышел Браво.

– Общая готовность! У нас стрелки в третьем секторе! Доложить, как слышно! Прием.

Танго и Ромео переглянулись, а слушая быстрый доклад старших – их номер был восьмым – успели еще и ткнуть друг друга в бок кулаками. Наконец-то!

– Говорит Ромео! Стрелки в третьем секторе понял, готов!

– Ромео и Танго! Прием! Они пройдут мимо вас! Сохраняйте полную неподвижность! Рацию выключить. Не дышать. Прием.

– Не дышим, – заверил Ромео. – Выключаюсь.

Он на правах старшего собственноручно отключил связь и, покосившись еще раз на Танго, с нежностью погладил указательным пальцем спусковой крючок. Еще на подлете, во время последнего инструктажа, Браво, он же майор Хадсон, сунул каждому карту района с наскоро расчерченными секторами. Ромео и Танго со своей позиции третий сектор не контролировали, но если бы там показались бородатые стрелки, то очень скоро они должны были выйти из-за скалы по правую руку от дуэта, совсем рядом. Со скалы же их скорее всего и заметили. Но еще прежде, чем появились «бородачи», чуткое ухо Танго уловило какой-то до боли знакомый звук, которого он, кажется, сто лет не слышал и совсем не ожидал услышать здесь и сейчас. Мотор! Или даже несколько?.. На таком

расстоянии он еще не понимал. Усилием воли Танго заставил напрягшееся тело расслабиться. Если что-то пошло не так, главное – не паниковать.

И вот они вышли, один за другим, и не такие уж бородатые. Пожалуй, не более бородатые, чем те же легионеры, пролежавшие в горах шесть суток в ожидании противника. Облаченные в толковый камуфляж, на настоящих бойцов они все же не походили, хоть и очень старались: двигались друг за другом маленькими частыми шагами, держа оружие на изготовку, точь-в-точь, как всамделишные спецназовцы. Казалось, делают они все правильно, да только вот Танго потребовалось бы меньше секунды, чтобы прикончить обоих. Почему так мало? Да просто он их видел, а они его – нет.

Немного погодя появились еще двое, догнали приятелей... и вот уже стоят вчетвером, на открытом месте, зорко озирая окрестности. Лишь один хотя бы на колено припал, но только для удобства: его интересовали высоты, и так прощупать их через оптику на винтовке было сподручнее. Вот так воины у Франсуа!.. Так воюют только ради фотографии на память, в семейный альбом. Ну, или новички, которые, скорее, героев любимых боевиков копируют, чем сражаются.

Звук моторов становился все ближе. Именно моторов, множественное число, ведь Танго различил как минимум три. Один из торчащих перед ними парней связался с кем-то – по всей видимости, докладывал обстановку, которая, судя по тому, как вели себя его товарищи, была совершенно спокойной, даже непринужденной. Получив ответ, он махнул рукой. До ушей снайперов долетел даже звук его голоса. Впрочем, чего стесняться, если совсем недалеко и так режут моторы, а слышимость тут прекрасная. После этого странного ритуала четверка отступила обратно за скалы.

– Мысли есть? – чуть слышно спросил Ромео и, установив минимальную громкость, вышел на связь. – Bravo, Ромео потерял визуальный контакт с противником. Слышу, как мотор ревет. Прием.

– Восемь джипов ты слышишь, а не мотор! – раздраженно прошипела рация. – Они смещаются во второй сектор. Фокстрот, не дышать! Там ровная площадка, с которой эти джипы ну никак не вытащить – она окружена скалами. Предполагаю привал. Всем наблюдать, болтовню отставить!

– А ты говорил – «ишаки»! – тут же нарушил его приказ Танго. – И как они сюда джипы-то загнали? Это же конкретные горы, тут дорог тупо нет!

– Что значит «конкретные»? – Ромео усмехнулся неожиданному обороту. – Дорог нет, твоя правда. Потому я про ишаков и подумал изначально. Но джипы подтверждают то, что я тебе уже раньше сказал: сволочи абсолютно никого не боятся! Только мы тут, как крысы, прячемся...

По какой дороге шел караван, Танго, увы, было неизвестно. Он вообще не слишком-то хорошо знал местность, разве что свой подшефный пятачок, да и тот, пожалуй, хуже, чем нужно. Может быть, хорошие джипы, с задранной подвеской, и могли как-то здесь проехать. Но вот ущелье за своей спиной он помнил очень хорошо. Пройти его можно, но только с лебедками, и потребуется на это не час-два, а не меньше пары суток. Наверное, это и стало в итоге причиной, по которой их высадили именно сюда. Нельзя было исключать, что ущелье – единственное «бутылочное горлышко» на маршруте. Тогда Черный Франсуа, решив он сделать привал задолго до наступления темноты, имеет на это причины.

– Всем! – снова заговорил Браво. – Первое: ругань в эфире запрещаю. Второе: у «Алабамы» есть информация, что завтра с рассветом армия начинает усиленное наблюдение за нашим районом. Сюда прилетит миллион дронов, а если они что разнюхают, будет и обстрел.

«Алабама» – позывной оперативного центра, планировавшего засаду.

– Разрешите уточнение, Браво?

– Сам уточню, Виски! Это не по их душу, а по нашу! Армия готовит Франсуа безопасный проход!

– Так чья это армия, чтоб ее в душу?!

– Виски, ты разжалован! Моя родная армия, американская, какая еще?! Не засорять эфир! Работаем сегодня. Сейчас все начнут менять дислокацию, команды буду давать на общем канале, чтобы не перестреляли друг друга, сукины дети! – Браво явно был расстроен и оттого нервничал. – Но сначала Фокстрот доложит, что видит. Прием.

– Говорит Фокстрот, – раздался ленивый негритянский басок. – Джипы встают полукругом, на них пулеметы. Цель – вход в ущелье. Позади ровная площадка и ручей, комфортное местечко для пикника с барбекю. Джипы тяжело нагружены, под маскировочными сетками груза не вижу. Зато вижу уже двух парней в черных кепи. Прием.

– Дьявол! Прячется на виду, скотина! Наблюдай, Фокстрот, постарайся понять, кто из них наш клиент. Франсуа собой командовать не даст, это будь уверен. Теперь по группам. Номер один, Виски: снимайте наш главный калибр с позиции, вам пять минут. Прием.

С кряхтением потянувшись, Ромео перевернулся на бок и подмигнул товарищу. Танго улыбнулся и пожал плечами. Что ж, не так уж часто все идет по плану. Неприятно, конечно, что караван не вошел в ущелье и создает укрепленный лагерь, но ведь есть еще несколько часов светового дня, чтобы сделать дело, а потом вся ночь на то, чтобы постараться убраться отсюда как можно дальше. Они получили приказ выйти в третий сектор и под контролем Фокстрота занять позицию, перекрывающую каравану отступление. Скоро к ним должны были подтянуться еще и пулеметчики. Уже переползая по очереди в направлении скал, они слышали доклад Фокстрота.

– Bravo, там есть сюрпризы. Большая часть играет в колонистов, собирается от индейцев отстреливаться, но уже как минимум двое отошли к северо-западу и там растворились. Прием.

– Уточни, Фокстрот.

– Что именно? Как растворились? Ну, как мы. Как профи. Я больше не знаю, где они и что там делают. Как в воду канули, елки-палки. Прием.

Последний участок был совсем открытым, и сперва Ромео, а потом и Танго с наслаждением преодолели его бегом. Ромео снова озорно подмигнул Танго. Да уж, последняя новость была особенно не приятна. Эта пара «растворившихся» могла занять удобную высоту и доставить оттуда атакующим солдатам немало проблем. Хотя в то же время цели могли быть и иными... Знать бы раньше, что противник туда сунется!.. Тогда бы Bravo непременно оставил кого-нибудь там, на редко поросшем травой каменистом склоне.

– Говорит Ромео. Фокстрот, мы за углом, смотрим на северо-восток. Слушаю твои указания, прием.

– Говорит Фокстрот. За углом обычно травкой торгуют плохие парни, так что вали оттуда на десять часов, к большому валуну. Ни с десяти, ни с одиннадцати часов тебя даже твоя мама не должна ни узнать, ни заметить. Прием!

Им пришлось отползти немного назад, чтобы точнее выполнить указание. К валуну, который хорошо видел Фокстрот, подобрались ползком.

– Фокстрот: вижу тебя, Ромео. Или это Танго, кто справа залег? Вот от него теперь на два часа, очень незаметно двигайтесь к осыпи. Там ваша позиция. Прием.

– Ползем, Фокстрот. Только, чур, не смотри в прицел на мою задницу!

Теперь они оказались на открытом солнце. Пот моментально потек из-под шлема, просочился под очки, к глазам. Танго терпеть такого не мог; как снайпер он просто переставал существовать в такие моменты. По общему каналу докладывали другие: все подтягивались из ущелья к лагерю Черного Франсуа. Танго пока не мог увидеть джипы, да этого и не предполагалось, ведь тогда и его могли бы заметить.

«Скоро! – думал русский стрелок, глядя за загребавшие сухую землю ботинки Ромео. – Скоро скучать не придется!»

* * *

– Фокстрот говорит! Браво, у меня новости: под сеткой в джипе прятали женщину и ребенка, кажется, девочку лет семи-восьми. Сейчас их быстро провели в центральную палатку, в ту, что севернее. Прием.

– Ты уверен, что это женщина?

– Пока не ошибался, Браво. Мужчины двигаются иначе.

– Да? Ну а мои мужчины двигаются, как улитки! Виски, где пулемет в третьем секторе?! – Хадсон нервничал все сильнее. Вероятно, управлявшая операцией «Алабама» подкинула еще дурных новостей. – Лима, давай живее во второй сектор, не тормози же!..

– Фокстрот говорит! – Голос бойца напрягся. – Они вытащили девочку из палатки! Повторяю: девочка лет семи-восьми. Она сопротивляется... Попыталась вырваться и снова вбежать в палатку, но ее поймали. Вышла женщина, что-то ей говорит... Тебе нравятся блондинки, Браво? Длинные желтые космы, до лопаток... Обняла девочку, утешает, но ребенка оттаскивает от нее какой-то урод. Упс! Он оттолкнул мамашу, она упала, у них там явно проблемы. А вот и парень в черном кепи! Он командует... Ты видишь это, Индия?

– Индия подтверждает! Там что-то неладное, Браво. Но я думаю, что это наш Франсуа. По его приказу девочку уводят в другую палатку, уносят на руках. Женщина что-то кричит, Франсуа тащил ее в палатку. Занавес. Будем смотреть или сделаем хоть что-нибудь?!

– Говорит Фокстрот! Индии нравятся блондинки.

– Говорит Браво! Всем заткнуться! Готовность десять минут.

С пытением к Танго и Ромео подполз Виски. Он был покрыт пылью с головы до ног, и Танго, видевший его шесть дней назад и недолго, наверняка не отличил бы Виски от остальных бойцов, если бы не вооружение. Виски пристроил пулемет так, чтобы быстро выставить ствол по направлению к лагерю, утер пот и смачно выругался.

– Ну, вы слышали этот радиоспектакль? – прорычал он с презрительной полуулыбкой. – Там еще и заложники, оказывается!

– Не ворчи. – Ромео изучал будущие цели в прицел. – Джипы стоят далеко от палатки Франсуа, когда заработаем по ним – ее вряд ли заденет. А вот девочке, к сожалению, может и достаться. Она в одной из четырех ближних.

Танго забарабанил пальцами по прикладу. Конечно же, и на прежней службе, и теперь, в Легионе, ему приходилось слышать весьма неприятные истории. Группа должна выполнять поставленную задачу. И если такой цели, как

спасение заложников или простых мирных жителей не будет озвучено, то и работать ради этой цели бойцы не то что не станут, а даже не имеют права. Похоже, в лагере Франсуа творилось недоброе, но станет ли обращать на это внимание «Алабама»? Вряд ли те, кто координировал действия группы, находились в одноименном штате, но в любом случае они были далеко. Грустно, конечно, услышать, что кто-то незаслуженно пострадал... и, допустим, налить себе еще чашку кофе. Может быть, кто-то из командования даже будет плохо спать или хотя бы ворочаться во сне. Но увидеть изорванные выстрелами трупы невинных женщин придется не им, а тем, кто сейчас готовится к штурму.

– Bravo говорит всем! Главный калибр работает по джипам через две минуты, без дополнительной команды. Лима, Джульетт, прием!

– Лима подтверждает.

– Джульетт подтверждает.

– Остальным подключаться сразу, действовать по плану. Ромео, следи за Франсуа. Если двинется в твой сектор, бери его хоть без головы, но живым!

– Ромео подтверждает.

Любитель ирландских песен сполз пониже и кивнул по очереди Танго и Виски. Где-то правее, замыкая окружение, притаился Фокстрот. Танго только сейчас сообразил, что не засек время и запоздало взглянул на часы. В горах темнеет быстро, и светового дня осталось совсем немного. Впрочем, никакого значения это уже не имело: гранатометы и крупный калибр, имевшийся в их распоряжении, дадут точный отсчет началу штурма.

– Про сектор обстрела не забывайте! – Виски взял в руки пулемет, готовый забраться на насыпь и оттуда прикрыть товарищей. – И бегите на полусогнутых.

– Главное, чтобы у тебя руки не тряслись! – отозвался Танго. – А то не нравится мне твой позывной!

– Как начальство окрестило, так и воюю, – фыркнул пулеметчик. – И вообще...

Виски не успел договорить, потому что грянул взрыв. Пригнув головы в ожидании града каменной крошки, солдаты не видели, как в трехстах футах от них один за другим взлетали в воздух, переворачивались и вспыхивали вместе с грузом джипы. Судя по всему, сдетонировала часть боеприпасов, которые находились в перевозимых ящиках. Во все стороны разлетались живые еще люди и просто части тел. Ощерившийся пулеметами полумесяц, прикрывавший лагерь, быстро превратился в полосу ада. Взрывы снесли ближние к ним палатки, но когда Танго вслед за Ромео выскочил из укрытия, убежище Черного Франсуа еще стояло.

Они успели пробежать несколько шагов, когда оттуда выскочил голый по пояс мужчина. Одной рукой он застегивал штаны, а другой тянул за собой женщину, на которой не было ничего. Женщина пыталась вырваться, тянулась к горячей соседней палатке. Ромео рукой указал на них Танго, но тот уже и сам смещался вправо. Их опередила группа Фокстрота, который, отстав от своих бойцов, уже опускался на колено, поднимая винтовку.

– Перещелкаем их всех отсюда! – успел он крикнуть подбежавшим перед первым выстрелом.

И правда, позиция оказалась прекрасной. Уходя от огненного шквала, выскакивая из палаток, боевики Франсуа бежали прямо на них. Всем сердцем Танго хотел бы добраться до заложников, но приказ не позволял тратить драгоценное время на эти благородные порывы. Втроем с Ромео они за несколько секунд уложили ранеными ли, мертвыми ли больше десятка противников. Остальные залегли или попытались отойти севернее, но там попадали под автоматные очереди тех, кто уже добежал до границы лагеря. На бегу перезаряжаясь, Танго устремился туда же. Он успел заметить, как Франсуа, прикрываясь бьющейся в истерике женщиной, отступил за одну из уцелевших палаток. И хоть кепи на нем в тот момент не было, кто ж это еще мог быть, если не он?! Перескочив через корчащегося на земле боевика, Танго услышал длинную очередь слева, и, повернув голову, увидел орущего во все горло мужчину, залегшего с пулеметом между колес горящего джипа. Руки сработали сами, без помощи зрения, и пуля вошла ему точно между глаз.

– Bravo, у нас потери! – закричал кто-то, лежа с простреленной ногой. – Серьезные потери, Bravo!

Бывает и так: отличные профессионалы не учли, что враг может воевать до того глупо, что даже неожиданно эффективно. Ну как, в самом деле, можно было додуматься занять позицию под горящей машиной? У этого героя спина загорелась сразу же, так что он наверняка почти ничего не видел от боли. Не видел, но умудрился попасть... И вот теперь те, кто должен был произвести захват Франсуа, очутились на земле, срезанные на бегу одной-единственной длинной очередью горящего под джипом идиота. Ромео занялся ранеными, его прикрывал огрызающийся редкими одиночными Фокстрот.

– Действуй! – не оборачиваясь, крикнул он в сторону Танго.

Действовать! О, как же долго он ждал этой возможности, как томился ожиданием!.. Танго, забыв о предосторожности – не всегда это помогает! – один устремился туда, где видел Франсуа и женщину в последний раз. Солнечный диск уже на четверть зашел за вершину горы, скоро должно было стемнеть окончательно. О чем-то кричал в наушнике Браво, но сейчас было не до него.

«Двое «растворившихся», вот кто ему нужен! – сообразил Танго и взял севернее. – Наперерез можно успеть! Но он уходит в тень».

И тут же, немного отбежав от грохота, расслышал женские всхлипы. Танго и сам не заметил, как остановился, как задышал ровнее, умирняя бег сердца. Профессиональная привычка не подвела, так же как и зоркость глаз: вот же они, Франсуа и его пленница, плетутся вдоль скалы. Светлая макушка женщины время от времени показывается между валунами, она физически не может пригнуться.

Вскочив на обломок скалы, снайпер увидел обоих как на ладони. Танго мог бы пристрелить бандита мгновенно, но приказ был брать Черного Франсуа живьем, во что бы то ни стало доставить его в штаб для допроса! И русский стрелок кинулся в погоню.

Догнать Франсуа было несложно: он все так же прикрывался обнаженной женщиной, а она, хотя больше и не вырывалась, была близка к обмороку и то и дело повисала у него на руках, не позволяя перейти на бег. Танго взял чуть к западу, надеясь, что Франсуа не заметит его приближения. Тот, напуганный, что-то бормотал и все оглядывался на лагерь, где легионеры, получив жестокий урок, добивали последних сопротивлявшихся, прежде чем

отправиться дальше. Франсуа повернул голову, только когда Танго был уже совсем рядом, и тут же получил удар в шею. Покачнувшись, он выпустил женщину и неуклюже побежал к кустарнику, росшему в расщелине. Он не успел бы это сделать, и Танго легко взял бы этого полуголого, безоружного и перепуганного мужчину, если бы не понял вдруг, что падает. Звук выстрела долетел чуть позже. Точнее, сразу двух: одна из пуль прошла мимо.

«Двое «растворившихся»! Как же так...»

Пуля лишь скользнула по бедру, разорвав мышцу, но бежать он уже не мог. Франсуа скрылся из виду, и все, что оставалось Танго – схватить надсадно всхлипывающую женщину и отползти вместе с ней к скале.

– Говорит Танго! – проорал он, затравленно озираясь по сторонам. – В горах снайперы, они прикрывают Франсуа, он уходит по расщелине, там тропа! Всем! В горах снайперы! Прием!

* * *

Совсем стемнело. Фокстрот, попытавшийся догнать Черного Франсуа и попавший под огонь, вел неравный бой с «невидимками». В группе было уже несколько раненых, и Фокстрот, отчаянно матерясь, требовал подмоги. Получивший в бою осколочное ранение в руку Хадсон лишь матерился в ответ: «Алабама» требовала добыть Франсуа во что бы то ни стало, а ведь некоторых раненых надо было срочно эвакуировать и подлечить.

– Как ты? – хрипло спросил майор у Михаила, глядя на догорающие останки взорвавшихся джипов. – Потянешь еще? В вертушке на всех не хватает места, черт бы побрал этих штабных вместе с их аналитиками!

Парни из центра управления держали под рукой один вертолет, именно на случай срочной эвакуации тяжелораненых и, конечно же, главного своего подарка: Черного Франсуа. Остальную группу должны были забрать позже, чтобы раньше времени не привлекать внимания армейских к ущелью. Впрочем, все пошло не так, как планировалось, и гостей от армии США, в этой истории непонятно, на чьей стороне выступающей, можно было ждать в любой момент. Ну и, конечно, раненых, нуждавшихся в срочной помощи, оказалось больше, чем

изначально предполагала «Алабама».

– Я в порядке. Потерплю. – Михаила наспех перевязали, обезболили, и он действительно чувствовал себя нормально. Да и рана была хоть и неприятной, но не опасной для жизни. – Простите, что так вышло. Я должен был его брать!

– Потом будем друг другу подхвостье вылизывать! Мы все уйдем к Фокстроту, нужно хоть попытаться достать гада этой ночью. Ночью, черт его дери! Обожаю ночи в горах! Вертушку забьем до отказа, но тебе придется остаться. И ей тоже.

Хадсон кивнул на освобожденную пленницу, которая скорчилась у костра, разложенного прежними владельцами лагеря, и не мигая смотрела на огонь. От нее удалось добиться немногого: ее звали Ивонна; гражданка Великобритании, она каким-то образом угодила в лапы к Франсуа вместе с семилетней дочкой, которая погибла в первые же секунды боя. Когда женщину привели обратно к лагерю, она сразу кинулась искать девочку, и бойцам пришлось силком оттащить ее от огня: перевернувшийся джип, перевозивший в том числе и канистры с топливом, рухнул прямо на палатку. Надеяться, что от несчастной малышки в таком пекле осталось хоть что-то, не приходилось. После укола транквилизатора Ивонна затихла, укутавшись в куртку с символикой Легиона.

– Вы хотите ее оставить? – удивился Михаил. – Но, послушайте, она в таком состоянии...

– У меня раненые «в состоянии», понял? – понизив голос, прошепел Хадсон. – Я тебя тут бросаю даже, потому что мест нет, а ты мне что предлагаешь? А вертушку нам дали такую, на которой только раненых мышей, а не людей, перевозить! Короче так: все, кто на ногах, уходят с нами. А ты сиди тут тихо, приглядывай за несчастной мамашей, ну и за телами наших ребят. Даже их не можем пока забрать, что за черт!.. Жди нашего возвращения и смотри не засыпай. Мало ли что... Я бы не оставил тебя одного, но так уж вышло, Танго! Пусть разжалуют, я заслужил.

Позади Ивонны лежали четверо мертвецов, один из них – Ромео. Еще девять тяжело ранены, они и улетят на вертолете, звук которого Михаил уже слышал. Да уж, потери оказались куда более серьезными, чем рассчитывала «Алабама». Хотя их, конечно, куда больше волнует, что операция по захвату Черного Франсуа провалена. И почти все – из-за того кретина, который додумался

открыть огонь прямо из-под объятого пламенем джипа! Группа захвата не вышла на позицию вовремя, и эта задержка дорого им встала: часть боевиков успела прийти в себя и оказать сопротивление. Так бывает, и ответственность за все произошедшее несет не кто иной, как старший группы, майор Хадсон.

Раненых погрузили в вертолет, и «вертушка» тут же поднялась. Легионеры, включая легкораненых и способных идти, сразу потянулись к горной тропе. Они помахали на прощание Танго, но на Ивонну никто даже не взглянул. Не время было думать о ее беде – особенно тем, кто разносил джипы на куски и невольно оказался виновен в гибели ее несчастной дочери. Скоро звуки уходящей группы стихли вдали. Михаил положил винтовку на колени: хотя весь караван вроде бы перебит, всякое может случиться.

Конечно, бросать раненого одного не следовало, но что оставалось делать Хадсону? Если Франсуа все же уйдет, то получится, что парни зря сложили головы. Уничтожить караван можно было и не вступая в близкий контакт, жертвы же являются прямым следствием приказа, согласно которому мерзавца требовалось взять живым.

– Вы ведь из Легиона, да? – неожиданно спросила Ивонна, все так же глядя в костер.

– Я... – Михаил немного растерялся. – Я не могу отвечать на такие вопросы.

– Значит, из Легиона, – уверенно кивнула Ивонна. – И этот ваш... Тейлор – он такой правильный мужик, да? Справедливый... Только вот девочка погибла. И те, кто был в караване... Там не только плохие люди были. Обычные работяги, как пчелки, с утра до вечера... Тут иначе семью не прокормишь, вот и пошли с Франсуа.

– Так его действительно зовут Франсуа? – Михаил ухватился за эту соломинку, надеясь сменить болезненную тему. – Он... Расскажи о нем. Если можешь, конечно.

– Он мерзавец, и я не знаю, как его на самом деле зовут, – поморщилась девушка. – Все вы прячетесь за чужими именами. Тейлор – это вот настоящее имя? Наверное, настоящее. Он не прячется, он ведь такой смелый! Даже я так думала. А вот теперь понимаю, что он спрятался лучше всех, причем у всех на

виду. За вашими спинами спрятался, далеко, в сытой Америке. И за моей девочкой спрятался тоже.

– Не говори так! – довольно резко сказал Михаил и тут же прикусил губу: не стоило с ней сейчас так... жестко, она ведь до сих пор в шоке от случившегося с ее дочуркой, не в себе... – Генерал Тейлор пытается сделать мир лучше. Как и мы все. Он не виноват, что твоя дочь погибла. Это Франсуа за ней спрятался, а потом и за тобой.

– Сволочь, проклятая сволочь... – Ивонна снова кивнула и зябко поежилась. – Можешь подать мне воду?

– Конечно.

Пластиковая бутылка с водой лежала чуть в стороне, рядом с аптечкой и немудреным съестным – все, что смог оставить им майор Хадсон. Михаил потянулся за питьем, стараясь не тревожить раненую ногу, и едва почувствовал, как винтовка соскользнула с его колен. Он даже подумал сперва, что дело в его неловком движении, и попытался подхватить оружие, пока не упало, но рука схватила лишь пустоту. Ивонна, неожиданно резво отпрыгнув на шаг, передернула затвор. Куртка упала на землю, и она стояла перед ним нагая, перепачканная сажей.

– И что это значит? – как можно спокойнее спросил Михаил. Женщина была явно не в себе и сейчас могла прикончить кого угодно. – Успокойся, Ивонна. Не спеши искать виноватых. Ты можешь убить меня, всех моих спутников, но твою дочь все равно не вернуть.

– О, я давно нашла виноватых! – Судя по холодному голосу, ей уже не нужно было успокаиваться. – Чистенькие ублюдки, которые хотят весь мир заставить жить так, как им вздумается, вот кто во всем этом виноват! И кстати, та девочка, что сгорела в палатке, не моя дочь. Я, видишь ли, остерегаюсь заводить детей – именно из-за таких, как ты и твой Тейлор! Вы убили дочь одного из местных. Отец взял ее с собой, потому что американцы вырезали всю остальную семью. Ошибка, досадная ошибка! Охотились за террористом, а убили невинных людей! Тогда девочка чудом уцелела, но вы все же достали ее сегодня. Вы ведь не бросаете ничего на полдела, всегда доводите до конца начатое, такие молодцы... А ведь она привязалась ко мне, мы даже подружились. Вот только

она была слишком мала, чтобы понять: если мужчина ударил женщину по щеке, это порой ей очень даже нравится. Пыталась меня защитить, глупая... Ах, Франсуа, чертов развратник! И понадобилось же ему забраться на меня именно в этот момент, на глазах у бедной девочки...

– Так ты не заложница? – аккуратно уточнил Михаил, подбирая под себя здоровую ногу. Кобура была застегнута, и резко выхватить пистолет не стоило и пробовать. – Надо же, какая неожиданность!

– Представь себе! – Ивонна, если ее и в самом деле звали так, кинула короткий взгляд на упавшую куртку: замерзла, видно, но и немудрено – в здешних местах быстро холодало. И все же она не потянулась к ней, продолжая держать на мушке раненого легионнца. Ствол смотрел ему прямо в живот. – Знаешь, в некоторых вещах Франсуа действительно хорош. Правда, он-то совершенно напрасно считает, что хорош абсолютно во всем, но кто из нас не без греха? А вообще командир из него паршивый. Но вы-то, вы, профессионалы, даже такого не взяли! Застали голым, с бабой, и все равно не взяли! Но давай-ка поговорим о тебе. Как тебя зовут, как давно ты в Легионе, кто ваш старший, кто планировал операцию. И не тяни с ответами, я ведь из этой игрушки могу потихоньку от тебя маленькие кусочки отстреливать.

– Не можешь. В горах услышат и пришлют помощь. Ивонна, подумай о своем положении, подумай хорошенько. Ты одна, а сюда очень скоро прилетят наши вертолеты. Это твой единственный способ выбраться, без нас ты обречена.

– Ну да, а Легион ведь известен своей гуманностью!.. Я сейчас верну тебе оружие, покаюсь, и меня отпустят домой да еще и еды дадут в дорогу, чтобы веселей шагалось! Или... Или ты будешь убеждать меня, что не расскажешь о случившемся своим командирам? – Она хрипло рассмеялась, но винтовка в ее руках даже не дрогнула. – Вот уж не поверю ни в жизнь! И вообще – ты не волнуйся насчет меня, парень. Нас здесь двое, кто жив останется, того и правда. Кроме того, я умею выживать, лучше, чем можешь себе представить. Так ты что, на мои вопросы отвечать не будешь?

– Мой позывной Танго. И всех остальных я знаю только по позывным. – Михаил, будто потягиваясь, чуть изменил позу, чтобы ловчее прыгнуть. С одной-то здоровой ногой... Шансов на успех было немного, но и другого выхода из сложившейся ситуации он попросту не видел. – О тех, кто планировал операцию, я вообще не могу ничего знать, сама могла бы догадаться.

– Вашего старшего ты знаешь. Я же слышала ваш разговор: так говорят те, кто неплохо знаком.

Она снова поежилась, не в силах сопротивляться ознобу. Да и стоять голой перед незнакомым мужиком Ивонне, кажется, уже надоело. Михаил помалкивал, методично напрягая мышцы здоровой ноги, чтобы она не затекла. Прыгать уже? Или подождать, пока она потянется за курткой? Должна ведь потянуться, холодрыга такая, жуть!

– Что молчишь, Легион? – подначила его девушка.

– Я не из Легиона, – нехотя признался Танго. – Да и ты, я думаю, не из Синдиката.

– Серьезно? – Ивонна сделала шаг назад, нащупав ногой куртку. – И кто же я такая, проницательный парень?

– Авантюристка, – предположил Михаил, полагая, что нечто в этом роде должно ей польстить. – Послушай, ну мы ведь можем просто разойтись миром. Возьми оружие и одежду, консервы и аптечку. Если уйдешь тихо, то мои товарищи не кинутся обратно, да и искать тебя никто не станет, будут они гоняться по всей стране за одинокой бунтаркой! Ну сама подумай: мне будет проще соврать, что ты сбежала, пока я дремал, чем выставить себя на посмешище.

– Врешь! – Перехватив винтовку одной рукой, Ивонна подняла куртку и попыталась, не глядя, нащупать рукав, чтобы накинуть ее на плечо. – Не важно, спал ты или просто замешкался. Ты в любом случае будешь дураком выглядеть, а вы этого ох как не любите, крутые мальчики с оружием! А старший твой вообще...

Она подбросила куртку и на миг повернула голову, чтобы половчее всунуть руку. Ствол винтовки качнулся, и Михаил прыгнул. Только бы не подвела боль в раненой ноге! Но укол еще действовал. Он не надеялся добраться до Ивонны одним рывком, главное было – уйти с линии огня и оказаться возле ее ног, ведь винтовка не пистолет и среагировать сразу она не успеет. Он покатился по земле, в любой момент ожидая выстрела, но услышал только, как она взвизгнула от досады и неожиданности. Спиной налетев на ее ноги, Михаил тут же

обхватил их и с разворота ударил Ивонну кулаком в живот, чтобы легче было повалить. Она уже бросила куртку и снова держала оружие в двух руках. Первый выстрел раздался, когда женщина упала, второй, совсем уж бессмысленный, когда он наконец дотянулся до оружия.

– Ублюдок! – Она попыталась врезать ему коленом, но Михаил прижал Ивонну к земле и теперь выкручивал из ее рук винтовку. – Пусти! Мне больно!

– А Франсуа сказал, что тебе это нравится! – Локтем боец надавил ей на шею, и женщина перестала сопротивляться. Теперь Ивонну нужно было чем-то скрутить. – Вот и все, милая. Не сопротивляйся и останешься живой и здоровой. Улетишь вместе с нами, сука, и узнаешь наконец кто планировал операцию и чего хотел! Они сами тебе расскажут, а ты все-все расскажешь им!

Рейд оказался полностью провален, и вину за это Михаил в полной мере разделял с майором Хадсоном. Черного Франсуа упустил именно Вихров, он же чуть было не проворонил и его девку, а прямо сейчас, услышав выстрелы, группа скорее всего возвращалась к ним, невольно ставя крест на успехе операции, который и без того казался маловероятным. Вдобавок Михаила уже вызывали. Скрипнув зубами от злости, он вставил в ухо выпавший наушник. Что ему доложить? Что он лежит на голой девке и не знает, чем бы ее связать?

– Танго! – зарычал в рации Браво. – Танго, что случилось? Прием!

– Говорит Танго. Непредвиденная ситуация. Но уже все под контролем.

– Отставить контроль! Мы возвращаемся, будем через час.

– Виски нужна помощь, мы вдвоем его не вытащим! – ворвался в разговор, кажется, Фокстрот. Там шел бой, далекие отголоски которого теперь, когда Ивонна была обезврежена, Михаил слышал и без рации. – Браво, нам нужна помощь!

– Проклятье! Танго, ждать! Я пошлю кого-нибудь!

Ивонна, которая, кажется, немало поняла, оскалилась прямо легионеру в лицо.

– Плохи ваши дела, да, сладенький?

– Если ты только попытаешься сбежать, я тебя пристрелю. – Боль в ноге вернулась – все же он всерьез растревожил рану. К горлу подступила тошнота, голова закружилась. – Или все же просто подстрелю. И правда, зачем тебя убивать? Доставим на базу с простреленными ногами, ничего с тобой не случится... зато бегать не сможешь.

– Тварь!

Стараясь не морщиться от боли, он подался назад. Надо было снять с себя ремень и связать ей руки. И тогда она вдруг, не пытаясь вскочить, обеими руками вцепилась ему в лицо, словно дикая кошка. Михаил вскрикнул от боли и неожиданности, оторвал от себя холодные когтистые лапы и тут же почувствовал, как по щекам потекла кровь. Ивонна – ну, чертовка! – ухитрилась даже до левого глаза дотянуться и поцарапать веко! В ушах заколотился тяжелый, частый пульс. Михаил ударил ее в челюсть, коротко и сильно, чтобы оглушить. Только бы не потерять сознание – этой мерзавке хватит и десяти секунд, чтобы дотянуться до винтовки и все закончить. Он немного отполз, пристроил ствол на колено, направив его прямо в живот Ивонне. К черту ноги! Стрелять так стрелять. Только бы не повторить ее ошибки. Михаил уже расстегивал ремень, когда женщина опять подняла руки и медленно, будто наслаждаясь, провела ногтями по груди и животу, оставив длинные красные полосы.

– Истерика? – хрипло спросил он и попытался ухмыльнуться. – Не пройдет.

Ивонна не ответила. Она нащупала какой-то камень, но вместо того, чтобы бросить в него, с силой ударила себя в нос.

– Ты что творишь?! – не удержался он, путаясь в ремне. – Тебе же хуже!

Кобура! Когда он дотронулся до нее, стараясь вытащить упрямый ремень, то сразу понял, что она пуста. Когда Ивонна успела до нее дотянуться?! Наверное, пока он говорил с Хадсоном. Он схватился за винтовку, поднял ее, готовый выстрелить, но Ивонна и не думала нападать. Улыбаясь окровавленным ртом, она тем же камнем с силой ударила себя промеж ног, а потом еще и еще.

– Прекрати! – Михаил начал понимать, что сумасшедшая баба затеяла что-то, очень опасное для него. Боль мешала сосредоточиться. – Прекрати, или прострелю руку!

И вот тогда она откуда-то из-под спины выхватила пистолет. Палец Михаила сам собой надавил на спусковой крючок. Пуля вошла Ивонне прямо в сердце, будто он специально туда целился, и рука с пистолетом безвольно упала. Она содрогнулась всем телом, из разбитого носа вздулись кровяные пузыри, и бунтарка рухнула навзничь. Михаил откинул голову назад и уставился на крупные звезды. Это был худший рейд во всей его жизни.

* * *

Через час пришли первые двое: Индия почти тащил на себе подстреленного Джульетт. К тому времени Михаил уже сделал себе еще один обезболивающий укол и теперь пытался сообразить, как объяснить произошедшее.

– Это не ее дочь погибла в палатке! – первым делом сказал он друзьям. – Да и сама Ивонна шла с Франсуа добровольно.

– С чего ты взял? – Индия мрачно осматривал труп женщины.

– Она сама сказала. Забрала у меня винтовку, а потом пистолет.

– И сама себя исцарапала?

– Да! Я ее не трогал! Ну, почти... Послушай, любая экспертиза все подтвердит!

– Лучше молчи. – Индия занялся ранами стонущего Джульетт. – Вернемся, там разберутся. А мне сейчас не до того.

Остальные подтянулись ближе к рассвету, когда вертолеты уже вышли на связь. Виски принесли уже мертвым, еще двое оказались серьезно ранены. Когда майор Хадсон увидел тело Ивонны, то лишь одарил Михаила тяжелым взглядом и смачно харкнул в костер. С Танго никто не хотел разговаривать, уставшие бойцы отводили в сторону глаза, и он понял: лучше молчать. Когда пришли вертушки, тело Ивонны упаковали в такой же черный мешок, как и убитых

легионовцев.

Они немного опаздывали: армейские дроны уже успели появиться над ущельем, когда вертолеты поднялись. Двух тут же уничтожили, остальные разлетелись, прячась за скалами. Михаил почти не помнил обратной дороги, потому что не уснул даже, а впал в какое-то тяжелое забытие. «Все кончено!» – говорил внутренний голос, и от этого почему-то было даже спокойнее. Кончено так кончено. Сам виноват – сам и ответит за свою промашку.

Потом был госпиталь и допросы, бесконечные допросы. В самом ли деле убитую женщину звали Ивонной, и была ли она гражданкой Великобритании, Михаил так и не узнал. Его хотели поймать на лжи. Он упрямо твердил свое и чувствовал, что ему так же упрямо не хотят верить. Допросы вели настоящие легионовцы, для которых честь была превыше всего. Что видели они? Что оставленная наедине с бойцом безутешная мать была найдена мертвой, голой, избитой и исцарапанной. Михаил не сомневался, что эксперты сделали свое дело, и об изнасиловании речи не идет. Но чем лучше неудачная попытка изнасилования и убийство, призванное эту попытку скрыть? А ведь именно так все и выглядело. Пистолет его был в ее руке, но разве не могла она завладеть им во время борьбы с опьяненным похотью легионовцем? Да и Михаил, испугавшись содеянного, вполне мог вложить оружие в ее ладонь...

«Мистер Вихров, у вас есть друзья среди ваших коллег? Вы – одиночка по жизни или стали таковым, когда поступили на службу? Вам не кажется это странным? И вот вы, в ситуации сильнейшего стресса, оказываетесь один на один с почти обнаженной женщиной. Что вы почувствовали, мистер Вихров? Она показалась вам красивой? Привлекательной? Вы испытали к ней влечение?» – и еще много, очень много вопросов подобного рода. Это походило на дрянной телесериал, только вместо лощеных прокуроров и адвокатов выступали свои же, известные в Легионе офицеры, собаку съевшие на подобных допросах. Они или не верили ему совсем, или, в лучшем случае, верили только жалким крохам. А еще он им просто не нравился, это было заметно. Хороший парень, по их мнению, просто не должен был попадать в такую ситуацию. Уж лучше бы погиб – к мертвым вопросов нет. И, что хуже всего, чем больше Вихров повторял свою историю с убийством Ивонны, тем менее правдоподобной она казалась ему самому.

Через неделю к нему в палату позволили заглянуть майору Хадсону. Выглядел командир скверно: осунувшийся, похудевший и как будто даже постаревший.

– Простите, – только и сказал Михаил. – Так вышло.

– Это я должен у вас всех прощения просить, и у живых, и у мертвых. – Хадсон оглядел палату, не нашел ничего, на чем остановить взгляд, и принялся зачем-то теревить кончик одеяла, которым был укрыт его подопечный. – Меня, конечно, после случившегося отстранили. В лучшем случае в какой-нибудь лагерь упекут, буду новичков учить шнурки завязывать да сопли вытирать так, чтоб рукав не запачкать... Ну, да что тебе до того...

– Я к вам без претензий...

– Да будет!.. Ладно, проехали... Ты вот что, Майк... меня просили передать тебе. Послужной список у тебя хороший, и характеризуют тебя отлично все, кто с тобой воевал. И я в том числе. Я не верю в твою вину и прямо им об этом сказал. Но дело дошло до Тейлора, как-то уж так получилось...

– До Тейлора?! – Михаил не смог сдержать разочарованного стона. – Представляю, что ему там наплели!

– Ну да, что наплели – это ты очень метко слово-то подобрал! Генерал, он, видишь ли, очень... трепетно относится к подобным вещам. По сути, он и в Легионе не видит особого смысла, если мы будем хоть чем-то похожи на наших главных врагов – Синдикат, то есть. Одним словом... В общем, ты отчислен. Но и никакого трибунала не будет, – спешно добавил майор, видя, как взгляд Вихрова стекленеет, теряет фокус. – Так что, считай, парень, ты легко отделался. Я сам писал объяснительную на имя Тейлора, где постарался ему растолковать, как все вышло. Сказал, что моя вина, от начала до конца, но он... короче, все вышло как вышло.

Михаил уронил голову на подушку и уставился в белый потолок. Ему показалось, что он снова увидел проклятое афганское небо, которое наблюдал в ту самую роковую ночь.

– У тебя никого не осталось, верно я помню? – откашлявшись, спросил Хадсон.

– Верно, – слабым голосом пробормотал солдат. – Мать, отец и сестренка погибли на египетском курорте во время теракта. Там явно не обошлось без Эдварда и его Синдиката, тогда же я и уволился, отправился вас искать... Как

же мне теперь жить, сэр?

– День за днем, как говорилось в одном старом фильме. – Майор оставил наконец одеяло в покое и судорожным движением одернул китель. – Я потянул напоследок за кое-какие рычаги. Мы сделаем тебе документы на гражданина США Майкла Дилана. Имя тебе привычное в общем и целом, ну а фамилия будет именно такая, потому что... В общем, потому, что так надо. Тебе так же ссудят некоторую сумму, на первое время должно хватить. Так что долечивайся, и... Добро пожаловать в новую жизнь. Я, кстати, советую тебе Нью-Йорк. Там ты со своим акцентом не будешь так заметен, как где-нибудь... в Колорадо или Алабаме. Ну, и не так там жарко, как в Лос-Анджелесе... Ты же вроде должен любить, когда попрохладнее?

– Тогда уж Аляска предпочтительнее, – грустно улыбнулся солдат. – Тем более Аляска – почти Россия.

– Отставить Аляску. Нью-Йорк! – Майор бросил на Михаила последний взгляд из-под кустистых бровей и направился к дверям. – Сохраняй надежду, Майк. Привыкай к новому имени и не влипай в новые передряги.

Когда Браво покинул палату, Майкл Дилан судорожным движением взъерошил волосы. Ему показалось или Хадсон действительно намекнул, что он еще может понадобиться им в Легионе? Похоже на то. Но ведь и не обещал ничего. И зачем тогда вообще жить, если нельзя не только служить Легиону, но даже приближаться к ним? Разгневанный Тейлор наверняка занес его в черный список.

Но ведь Хадсон вроде бы намекнул...

* * *

Две недели спустя новоиспеченного гражданина Штатов Майкла Дилана благополучно выставили из госпиталя, а затем и с территории базы. На прощание хмурый сержант вручил ему большой конверт, в котором оказались все необходимые документы, оформленные на его новое имя, включая свидетельство о рождении в штате Юта.

«Мормоны?» – хмуро разглядывая карточку, подумал солдат.

Мать Майкла Дилана происходила из Белоруссии, что, видимо, должно было хоть как-то объяснить его акцент, если кто-либо уж слишком заинтересуется его личностью.

– Как время-то летит! – проворчал бывший Михаил, заметив, что Майкл старше его на три года. – Вот мне уже и за тридцатку!..

В конверте также обнаружилась кредитная карта с неизвестной пока суммой на счете, три сотни долларов мелкими купюрами (десятки и двадцатки), а также мобильный телефон со вставленной симкой. Последний факт особенно порадовал солдата: как будто еще один намек на то, что майор Хадсон однажды может снова попросить Майкла вернуться. Иного смысла жизни одинокий и бездетный снайпер все равно не видел. Только Легиону он верил, только они, по мнению Майкла, играли честно в этом насквозь продажном мире.

Увы, но ни номера Хадсона, ни иных в памяти телефона не было – майор только намекал на возможную новую встречу, но не хотел, чтобы бывший сослуживец сам его тревожил. Ах, с каким бы удовольствием уволенный легионец отправился помогать бывшему командиру учить новобранцев завязывать шнурки!.. Черт возьми, да он бы с удовольствием сам им эти шнурки завязывал, лишь бы остаться в системе... да хотя бы знать, что однажды он действительно может снова понадобиться тем, кто пытается спасти человечество от власти корпораций и наркодельцов.

Уже на подходе к шоссе Майкл оглянулся. С огромного плаката ему и всем проезжающим мимо улыбался Тейлор: идеально честный, справедливый генерал. Абсолютно все, с кем лидер и создатель Легиона сталкивался за время службы, в один голос твердили, что он именно такой был и есть. Чуть ли не последний из племени настоящих героев, у которых можно учиться жить так, чтобы потом не было стыдно.

– Прости меня, мой генерал! – дрожащим от волнения голосом произнес Майкл Дилан. – Я тебя подвел...

Глава первая

На дне

Год спустя Майкл Дилан немного знал о городе, который почему-то называли Большим Яблоком. Он и сходства на карте особого не видел и не понимал, что за радость такая – жить в яблоке. Разве что чувствовать себя червем? Что ж, он чувствовал. Только вот никакой радости это ему не доставляло. Большое Яблоко было не просто чужим, оно было гнилым, и для осознания сего факта не нужно было знать каждую его авеню, достаточно было его хотя бы попробовать.

Южный Бронкс. Какое впечатление произвел он на Майкла, когда бывший легионер оказался там впервые год назад? Самое отвратное: грязно, убого, по улицам смело расхаживают только бандиты, и то лишь днем. Поначалу, едва подошва его ботинка коснулась здешнего асфальта, Майкл решил, что вне зависимости от результатов переговоров с работодателем ни за какие коврижки здесь не останется. Но, по счастью, кафе, в котором ему предстояло работать вышибалой, находилось в сравнительно приличном месте, возле перекрестка, где часто проезжали полицейские машины. Других предложений на ту же сумму он в Интернете так и не нашел и потому решил все же немного задержаться, чтобы приобрести хоть какой-то опыт работы на гражданке. «Потом, – думал он, – может быть, переберусь на Манхэттен, там вроде пока все в порядке. Только жилье уж очень дорогое, надо покупать машину, а денег в обрез...» Тем более что хозяин, губастый пуэрториканец Эрнесто, тут же предложил и жилье по сходной цене: прямо над кафешкой, в грязноватой комнате, с умывальником и унитазом в крошечной уборной.

– Душ можешь принимать у нас на мойке, после закрытия. У меня все официантки и посудомойки там моются, по очереди, конечно: сначала, понятно, девочки.

– А как же санинспекция? – спросил Майкл и тут же пожалел о своем вопросе, когда Эрнесто нахмурил брови. – Я хочу сказать: лишь бы не попадаться.

– Не парься об этом, – поморщившись, махнул рукой пуэрториканец. – Вот еще лет шесть назад тут хоть какой-то порядок образовался... Но все, как обычно, полетело к чертям. А раньше мне и вышибала-то был не нужен! Я даже спиртным не торговал тут – от слова «совсем». Гамбургеры, картошка фри,

яичница, пицца, подростки тут вечно ошивались да мамы с ребятней... Мороженого летом постоянно не хватало, я даже грешным делом думал, мои тягают своим чадам, но они клялись-божились, что стаивало... – Эрнесто был личностью эмоциональной и мгновенно загрустил, да так, что Майклу на миг показалось, что он вот-вот пустит скупую ностальгическую слезу. – В общем, тогда в городе был порядок. Ну, может, не шесть лет назад, а восемь... Концы с концами сводил кое-как, но по крайней мере семья жила со мной.

– У тебя жена, детишки? – Майкл несколько неуклюже попытался поддержать разговор. – Все живы-здоровы, я надеюсь?

– Да, спаси их Дева Мария! – Эрнесто перекрестился и тут же вытащил смартфон, чтобы показать фотографии. – Вот это моя Глория, а вот наши девочки... Я по ним очень скучаю, Майк! Можно я буду называть тебя Майк?

– Все так и зовут, – пожал плечами Дилан.

– Значит, договорились. Ну так вот в итоге пришлось отправить их к бабушкам и дедушкам, на мою историческую родину. Тут, видишь ли, стало слишком опасно после отмены законов «нулевой толерантности». Не сразу, конечно, но из года в год становится только хуже... А переезжать дорого! Да и нет в Нью-Йорке теперь безопасных мест. Даже на Пятой авеню нет-нет да и стреляют! Но арендная плата только растет. Что же такое происходит с этой страной, Майк, ты можешь мне ответить?

– Не со страной. Со всем миром. – Тут уж настала очередь загрустить самому Майклу. – Боюсь, безопасных мест действительно все меньше. Но ведь есть и те, кто пытается это изменить, прямо здесь, в Америке!

– Ты это сейчас про Легион? – Эрнесто быстро оглянулся на компанию своих приятелей, тихо выпивавших в углу кафе. В меню Майкл, кстати сказать, спиртного не заметил. Похоже, что лицензию на продажу Эрнесто так и не приобрел. – Гхм... Как бы выразиться... Майк, не скрою, ты мне сразу понравился, и вообще нормальный ты парень, хороший, это видно! Но давай я скажу тебе все начистоту. В первого парня, которого я нанял, всадили три пули. Это был Джордж, черный такой, как уголь, здоровяк, и он даже умудрился выжить. А знаешь почему? Его не добивали. Просто укурки расстреляли его и ушли. Даже убежали! Тогда они еще убегали... Джорджа выходили, но сюда он больше не

вернулся, решив, что дважды ему так не повезет. Второй парень продержался дольше. Его звали Стив, и он был белым-белым, как вот ты. Я сначала еще подумал: ну как белый парень сможет охранять мой бизнес в нашем квартале? А потом понял, что это, наоборот, лучше некуда! Он ведь тут чужой всем и потому всегда был начеку, со стволом не расставался. И все это знали! Да, была вначале парочка инцидентов, но Стив ясно дал понять: он предупредительных выстрелов не делает! Отправил одного в госпиталь, так остальные лоботрясы какое-то время обходили мое кафе стороной. Никто ведь на самом деле не искал неприятностей, каждая скотина хотела всего лишь отхватить бабла себе на наркотики. Вот они и пошли туда, где сделать это было проще всего. Но тогда еще было куда идти! Вокруг меня закрылись шесть заведений. Даже итальянский ресторанчик напротив. И в прежние времена, честно скажу, я был бы очень рад. Главные мои конкуренты! Там давно всем заправляли черные, но крышевала их настоящая мафия, хозяин сам в Маленькую Италию деньги отвозил, и все об этом знали. А мафия – она бессмертна, Майк. Конечно, сами они бы сюда не приехали разбираться, поручили бы дело местным, но разве мне от этого легче? Так вот, когда на них в очередной раз напали китайцы, стали трясти деньги, хозяин уперся и сказал, что всех их знает, и мафия достанет каждого. А они в ответ пристрелили его беременную жену и ушли. Не убежали, Майк. Ушли! И мы все были уверены, что китайцам – а эта банда в паре кварталов к северу обосновалась, там их орава целая, – что этим китайцам теперь конец! Ну, или хотя бы их главарям. Но вышло иначе: эти «лисы», как они себя называют, устроили в квартале настоящую бойню! У них там оказались даже гранатометы, и они не постеснялись, пустили их в ход! Мафия решила не лезть на рожон и напустила на них полицию. А ты же понимаешь, надеюсь, что полиция в наши дни приезжает или когда трупы уже остыли, или если кто-то хорошо попросит... и подмажет. Ну так вот мафия попросила, а «лисы» взяли и полицейских тоже обстреляли! Можешь себе представить? И без жертв не обошлось, мы это точно знаем. Тут все видели, как вот на этом перекрестке один молодой офицер истек кровью, потому что «скорая помощь» теперь не очень-то скорая и тоже старается приезжать, когда лечить уже некого. Врачи, понимаешь ли, тоже жить хотят.

– Да не может быть, чтобы им сошла с рук такая наглость! – воскликнул Майкл.

– «Лисам»-то? Ха! Многие не верят. – Эрнесто хитро подмигнул новоиспеченному вышибале, словно речь шла о чем-то веселом. Он был весьма странной личностью, этот пронырливый пуэрториканец. – Только эти «многие» здесь не живут и ничего не знают. Ну да, в прежние времена полиция авиацию бы вызвала, танки и в момент разбомбила бы тут все вместе с мирными жителями,

лишь бы отомстить. Но теперь с ними кое-кто поговорил. И не только поговорил, а еще и расписался. Там, к северу, появилась большая надпись на букву «С».

– Синдикат?! – Майкл не сомневался в преступной сущности врагов Легиона, но чтобы крышевать каких-то уличных отморожков с гранатометами?.. Дело ведь происходит в Америке, а не в Афганистане, Кувейте или Ираке. Разве Эдварду хватило бы наглости... – Это мог написать кто угодно.

– Да? А почему же тогда китайцев никто не тронул? О, да СМИ в тот же день сообщили, что виновные найдены, посажены на сотни лет и все такое прочее! Фотографии показали, имена назвали, все, как полагается. И полиция отчиталась. Только люди на улицах знают, что все это ерунда. За все ответили какие-то левые парни, которых специально для этого привезли из-за границы. Некоторые говорят, что они даже не китайцы, а какие-то совсем уж ребята со стороны, которым дали немного денег, чтобы их нищие семьи смогли выжить в их вонючих странах. – Эрнесто невольно скривился. – «Лисы» после этого совсем осатанели, и все их теперь боятся как огня. Мафии, как говорят, во всем Бронксе не сыщешь, а ресторан их китайцы прибрали к рукам.

Майкл посмотрел через перекресток. Там все ярко сияло неоном, непонятные иероглифы о чем-то громко сообщали.

– Теперь там, считай, их опорный пункт, – пояснил Эрнесто. – Я им плачу, как и все вокруг. Китайцев не опасайся, они к нам не ходят. И не конкуренты мне, потому что чужаков к себе не пускают. Только дорогу им не переходи, понял? Если какой-нибудь сморчок из ихних пихнет тебя плечом, извинись и поскорей уйди, вот и все.

– Зачем же тебе вышибала, если уже и так все схвачено-проплачено?

– Ну... – Эрнесто снова мгновенно помрачнел. – Не то, чтобы все. Эти сволочи только берут деньги, но не охраняют. Так что всякая укуренная гопота периодически все равно нет-нет да заходит. Жалко, публика у меня теперь уже не та, что прежде, но кое-как я могу заработать пару долларов, чтобы отправить семье. Продать-то мое кафе уже невозможно. Кто его теперь купит? Захотят – просто заберут мою «Улыбку Эрнесто». Понял теперь?

– Еще не все. – Майкл наблюдал, как из дверей помянутого пуэрториканцем ресторана вышли несколько угрюмого вида раскосых парней в ярких цветастых куртках. – Ты не рассказал, что же в итоге случилось со вторым вышибалой... Стив его, кажется, звали?

– Ты вот что, не пялся так в сторону «лисов», – мрачно приказал Эрнесто. – Никогда. Мы называем их точку «Лисья нора», так что если услышишь, что в «Лисьей норе» перестрелка или еще что-то, не крути головой из любопытства, а сразу закрывай двери на все замки! Клиентов, если что, официантки выведут через кухню. Там всякое бывает, Майк, помни, они ж отморозки, которым притом все сходит с рук! А Стив... Ну а что Стив? Убит. Я же специально подчеркнул: Джордж выжил, потому что его не до-би-ва-ли. Наркоши – они такие, постреляли и разбежались, а Стива вообще боялись, уж больно он был скорый на расправу, не церемонился с ними, значит. Но «лисы» – это тебе не наркоши. Совсем другое дело. Вот они зашли как-то раз, не знаю, что на них нашло, но не суть. Ну и опрокинули, в общем, пару столиков да какую-то девку обидели. Это бывает, Майк. И не вздумай связаться с «лисами»! Потому что Стив тогда не сдержался и решил поиграть в крутого шерифа. Мол, тут мой город, проваливайте подброду. Наставил на них, значит, пушку, а они на него – свои, всякие слова ему обидные кричали, а он стоял, как Клинт Иствуд в старом фильме, весь такой красивый, мужественный и непо... не-по-ко-ле-би-мый. И китайцы ушли, представляешь? Как будто трусили или просто решили не связываться... А потом Стив вышел покурить. Он всегда выходил на угол и торчал там с сигариллой – ну опять же как шериф осматривал свои владения. Ну вот там они его и подстрелили, издали, без лишних рисков. А потом спокойно подошли и, уже просто для успокоения нервов, всадили в него по обойме. Ты представляешь, что от него осталось?! И вот закончили они с ним и, значит, так же спокойно уходят, а труп остался лежать. Я после того случая три ночи не спал, все думал, куда бежать, если они за мной явятся. Но нет, они, слава богу, с ним разобрались да и успокоились. Я, конечно, позвонил в полицию, чтобы труп Стива забрали, но сразу сказал, что ничего не видел. Других свидетелей тоже не нашлось, да копы и искать не стали, им главное было – поскорее убраться подальше. Виновников-то они и так знали, но ничего с ними поделать не могли. Теперь ты все понял?

Майкл вздохнул. После сбивчивых историй, которые ему поведал словоохотливый пуэрториканец, у него отпало последнее желание работать в этой закуской. Но Синдикат в Нью-Йорке... Что, если эта информация заинтересует Хадсона? Или даже самого Тейлора... Ведь это форменное безобразие!.. Впрочем, про Нью-Йорк ему и прежде доводилось слышать немало.

Может быть, неспроста Хадсон настаивал, чтобы Майкл поехал именно сюда? После отмены ряда законов город сильно преобразился, это подчеркивал не только Эрнесто, но и многие другие люди, с которыми русскому довелось здесь столкнуться. А ведь Легион, насколько Майкл мог вспомнить, даже поддерживал отмену запрета на ношение огнестрельного оружия. Тогда преступность снова возросла, люди хотели иметь возможность защищаться, но что-то пошло не так. И Синдикат, похоже, имел самое прямое отношение к этим ужасным метаморфозам.

– У меня нет ствола, – признался Майкл. – Что у тебя имеется? Может быть, после Стива осталось что-то приличное?

– После Стива остался изрешеченный кусок мяса, идиот! – Эрнесто вскипел мгновенно, его настроение было похоже на морскую погоду – такое же переменчивое, такое же непредсказуемое. – Тебе не нужен ствол, Майк. Вон, в углу бита стоит – это твое оружие. Чтоб пьяных да наркоманов гонять сгодится вполне, а больше я от тебя и не прошу.

– Но у пьяниц с наркоманами тоже может оказаться ствол! Что мне с ними делать тогда, битой в них швырять?!

– А ты бей первым и сразу со всей дури, чтоб не просто вырубить, а убить! Что ты так на меня смотришь удивленно? Не хочешь убивать? Боишься, что тебя упекут за решетку? Но кого ты боишься? Полицию? Да всем тут давно плевать на полицию, полиция – пустое место. Приедут, заберут труп и уедут, решив, что это «лисы» порезвились. Ну-ну, Майк, не смотри на меня таким обвиняющим взглядом! Я ведь с самого начала не обещал тебе, что тут будет легко! В конце концов, я тебя не знаю, а деньги платить собираюсь весьма приличные для такого вот незнакомца, да еще жилье предоставляю, душ опять же. Ну и, кстати, о наркоманах... А то ты опять ничего не поймешь... – Эрнесто, успокоившись, положил руку на плечо Майкла. – У меня тут обосновались двое парней, они торгуют. Они и их девки – мои лучшие клиенты, понял? Так что если ты вдруг очень правильный, чтобы с ними ужиться, то лучше сразу уходи, пока мне весь бизнес не порушил. И не смотри на меня так, повторяю. Мне надо как-то обеспечивать себя и свою семью!..

– Ладно, поработаю у тебя немного. – Майкл с плохо прикрытым отвращением стряхнул его руку с плеча. – Плати мне раз в неделю, и я буду помалкивать. И кстати, не такие уж ты и хорошие деньги платишь на самом деле. Так что

советую тебе исправно кормить твоего нового вышибалу, чтобы он ноги не протянул раньше, чем к тебе заявятся какие-нибудь отморозки!

– Не проблема, Майки! – пообещал Эрнесто. – Можно я буду иногда звать тебя Майки? Хотя разносолов, конечно, не обещаю. И спиртное... За твой счет и только после закрытия. От пьяного вышибалы одни беды. Приступай к работе, а я распоряжусь, чтобы тебя кормили как следует, добро?

– Добро, – нехотя выдавил Майкл.

Эрнесто улыбнулся и подошел к землякам. Долго хлопал их по плечу и быстро говорил что-то по-испански, то и дело косясь в сторону Дилана. Новый вышибала сдержанно поклонился компании, и мужчины одобрительно закивали: Майкл им явно понравился.

По перекрестку сновали машины, китайское заведение мигало иероглифами, и все выглядело не таким уж страшным.

Но так было год назад.

А с тех пор, увы, кое-что изменилось.

Например, светофоры на перекрестке перестали работать. Сломались они уже несколько месяцев назад, но чинить их никто не собирался. Исчезли многие жители, в основном латино. Зато больше стало китайцев и совершенно опущенных наркоманов, которые год назад еще не валялись на улицах, где придется... в отличие от нынешнего сезона. И хотя изначально Майкл не собирался застревать тут надолго, жизнь распорядилась иначе. Главным разочарованием было то, что ему так никто и не позвонил на мобильный, который он всячески оберегал и заряжал каждую ночь.

Поначалу было страшно. Но Майкл утешал себя мыслью, что на самом-то деле он не вышибала в этом жутковатом, живущем по закону джунглей районе. Он этакий шпион, лазутчик. И интересуют его не наглые китайские мордовороты из заведения напротив, а их влиятельные покровители. Когда родители и сестра Михаила Вихрова (коим Майкл был еще совсем недавно) погибли в том египетском теракте, когда он остался один и понял, что жить в мире, полном зла, он просто не хочет, снайпер стал искать тех, кто был готов положить жизнь

за доброе, светлое будущее для всех и каждого. Это оказалось непросто: прежние начальники, заслуженные, честные мужики, при откровенном разговоре только хмурились и подливали водки.

– Миша, – сказал один из них, – я выбрал эту жизнь потому, что хотел служить добру, порядку, справедливости. И я не выполню приказ, который сочту преступным! Вот только вокруг меня много людей, которые выполняют, если им так скажут. И за это их всегда будут ценить больше, чем меня, такого строптивого. Видишь ли, многим хватает утреннего чтения новостей, чтобы разувериться во всем, что их окружает. А я вот давно не интересуюсь новостями. Я просто служу Родине. И конечно, я не идиот, чтобы думать, что меня и моих парней никогда не использовали втемную для решения каких-то своих дел. Но как разобраться, где светлое, а где темное, Миш?

– В Сети много информации о взрывах в Египте, – произнес Вихров. – И все независимые источники утверждают, что связь с Синдикатом очевидна. Они спонсировали террористов, они имеют отношение к поставкам оружия, это ясно, как божий день. Почему же мы их не раздавим?

– Молод ты еще, Миша. Твой Синдикат – это, понимаешь ли, как надводная часть айсберга. А какие силы поддерживают их на плаву? Как до них добраться, не ввязавшись в большую войну?

– Но ведь нельзя это терпеть! – Михаил обхватил голову руками. – Они убивают, а мы... Я вместо того чтобы отомстить гадам, просто буду тянуть лямку? Пока они сами к нам не придут?

– Молод ты еще, – повторил седовласый начальник. – Давай-ка выпьем. Ты приходи ко мне почаще, тебе не нужно сейчас одному быть.

– Генерал Тейлор бросил вызов, и люди пошли за ним, и даже американское правительство не посмело его остановить! – уверенно заявил Вихров.

– Ха! А ты знаешь, что твой Тейлор, возможно, это чистой воды выдумка? Кукла, понял? Которую Штаты изобрели, чтобы создать видимость борьбы. Взяли имя заслуженного полководца и им теперь прикрываются. Уж очень гладко у него все выходит: я весь в белом, идемте со мной крушить силы мирового зла. – Седовласый презрительно фыркнул и наполнил рюмки. – Не будь так доверчив,

Миш. Этот Легион – тоже лишь видимая часть айсберга. Иначе их придушили бы еще в самом начале, только они объявились.

Михаил выпил, а на следующий день заявил, что увольняется. Трудно было прощаться с парнями, с которыми прошел огонь и воду, трудно было смотреть в глаза командирам, но он ушел. Если Легион – обман, то Михаил хотел сам в этом убедиться, на собственной шкуре испытать. Он больше не верил чужим словам. Жизнь потеряла прежний смысл, и нужно было обрести новый. Так он и сказал своей невесте.

– А я? – Девушка, имени которой он старался не вспоминать, взмахнула длинными ресницами. – Как же я, мы с тобой, наша свадьба... Это – не смысл?

– Теперь уже нет, – глухо выдавил он. – Я не хотел этого, но я должен воевать. Прости и... найди себе другого.

В Сети удалось найти людей, которые вроде бы были как-то связаны с Легионом. Вместе с туристической группой Михаил улетел в Черногорию, а там в первый же вечер ушел от теплого моря в горы, туда, где его должны были встретить. Пришлось кое-что рассказать о себе: снайпер, с боевым опытом. Они не поверили, но все же пригласили. Встреча не была теплой, пару часов Михаил провел под прицелами наведенных на него «калашей». Его тщательно обыскали, тут же уничтожили телефон, ноутбук и даже часы, потом допросили, потом ждали какого-то человека, потом долго шли с ним по горам, а после его снова обыскивали и снова допрашивали. Даже спустя несколько суток, уже оказавшись в сербской части Боснии, Михаил все еще был пленником, подозревавшимся в шпионаже. И все же он прошел все проверки и, под чутким надзором сменив еще две страны, оказался в Соединенных Штатах, в подготовительном лагере Легиона. Только там Вихров понял, что каким-то чудом не ошибся: здесь и правда собрались хорошие парни.

– Чего стоит жизнь, если ты ничего не сделал против подлости и предательства? – сказал как-то один обаятельный рыжеволосый паренек, которого бойцы меж собой звали то ли Пламя, то ли Зажигалка. – Зло существует, и если с ним не бороться, оно поглотит весь мир. Я даже имя поменял и хочу забыть старое. Теперь я сын Тейлора, хоть он об этом и не догадывается. Нас таких много, и мы пойдем за генералом до конца.

Позже Михаил встречал и тех, кто служил под началом Тейлора еще до его выхода в отставку. И генерала ВВС, а прежде полковника, что молодые, что заслуженные характеризовали только с самых лучших сторон. И каждый раз добрые слова в адрес Тейлора заставляли Михаила улыбаться: значит, он был прав, значит, Легион действительно воюет за справедливость! Жаль, что воевать придется вдали от дома, но это вполне осознанный шаг, тем более что добро надо насаждать повсеместно, а не только в родном краю. Вихров участвовал в рейдах, видел лица врагов, а еще видел трупы, которые эти сволочи за собой оставляли. Международные корпорации создали монстра и обозвали его Синдикатом, и продажные твари с готовностью кинулись отрабатывать свои доллары в составе частной армии проклятого Стального Эдварда. От них нельзя было ждать пощады и их нельзя было щадить. Тем не менее Тейлор требовал, чтобы его сподвижники не стремились к жестокости ради жестокости.

– Мы – честные люди, которые ведут борьбу против бесчестья. За правду против лжи. За справедливость против бесчинства. Тут проходит линия, разделяющая нас и наших врагов! – заявил Тейлор в одном из интервью. Потом он поднес руку к сердцу: – У большинства людей эта линия проходит прямо здесь. Они колеблются, они боятся. Я не могу требовать от всех, чтобы они защищали свою правду. Но тех, кто хочет и может сделать этот шаг, мы ждем! Мы готовы принять их в свои ряды. И не только тех, кто готов взять в руки оружие. Нам нужны специалисты всех специальностей, и не только военных. Присоединяйтесь к нам! Мы бьемся за свободу против рабства, за будущее для наших детей, которое пытаются украсть корпорации!

Михаил служил Тейлору честно, и Тейлор ни одним словом, ни одним приказом не подвел его, не заставил сомневаться в искренности намерений. Снайпера Легиона окружали настоящие люди, действительно идейные борцы. Они не сдавались даже в самых трудных ситуациях, они не щадили себя, выполняя приказы, и они действительно воевали с плохими парнями. Тонны наркотиков горели на глазах Михаила, и он верил в победу, был готов идти с генералом до конца, несмотря на его ковбойский образ. Тем более что и не образ это был, а реальная суть удивительного человека, прожившего честную жизнь и не побоявшегося бросить вызов таящемуся в рукотворном тумане противнику. Только такой и мог собрать под свои знамена десятки тысяч соратников. Еще больше людей на всех континентах ему сочувствовали. Ничего удивительного, что так злобствовали его враги, и прежде всего их стальной кулак: наемники из Синдиката.

Если бы не тот злополучный рейд, Михаил воевал бы и дальше. Но после позорного провала, после мерзкой истории с неудачным изнасилованием Тейлор просто не мог позволить Вихрову оставаться в рядах своей армии. Будь возможность, Михаил бы все исправил и согласился бы даже попасть в список геройски павших... Но вышло иначе, и теперь Майкл Дилан был даже рад, что простился с прошлым «я».

Вот только обновленного снайпера обратно тоже звать не спешили. Дилан весь день торчал в кафе, то жуя вчерашний гамбургер, то попивая просроченную колу, набирал килограммы бесполезной плоти и все смотрел, смотрел в дурацкий ящик на стене. Новости часто были неприятные: змея Синтиката жалила Легион ядовитым жалом, гибли парни, терялись целые районы. Работы у Майкла почти не было – те обкуренные придурки, что еще хоть что-то соображали, предпочитали держаться подальше от «опорного пункта» китайцев беспредельщиков, а прочих вышибала просто вышвыривал за дверь. Со временем он научился распознавать злоумышленников заранее: они отводили глаза, трясущимися руками проверяли, на месте ли ствол... К слову, уже в первую неделю Майкл вопреки наветам Эрнесто обзавелся собственным оружием, хоть это и был всего лишь крошечный дамский револьвер, больше годный для какого-нибудь фильма о временах «сухого закона». Вышибала нагло отобрал его у бородача неопределенного возраста с исколотыми венами, причем отобрал так ловко, что никто ничего даже не заметил (включая самого «нарика»). А вот другие стволы, побольше, к сожалению, приходилось отдавать Эрнесто: официантки и кое-кто из его приятелей-завсегдатаев пристально наблюдали за новым сотрудником и охотно стучали боссу, случись им увидеть какое-то непотребство.

Официанток, к слову, было две, и работали они через день. Обе пуэрториканки, они не слишком жаловали устроившегося к ним «снежка», впрочем, Дилану было плевать. Очень скоро он понял, что работа в кафе была для этих смуглых дамочек скорее отдыхом от основного «ремесла»: в свободное время обе занимались проституцией, причем клиентов обслуживали в комнате, которую им сдавал Эрнесто – тут же, над кафе, по соседству с нынешним пристанищем Майкла. Однажды, видимо, перебрав с алкоголем, девицы «сжалились» над новым вышибалой и предложили ему свои услуги, даже пообещали «корпоративную» скидку, но Майкл благоразумно отказался: не хотелось потом брать отпуск за свой счет для похода к венерологу.

В десять вечера кафе закрывалось, и тогда сюда приходил хмурый чернокожий тип по имени Роб, явно наркоман со стажем, но из тихих. Он наскоро приводил помещение в порядок и мыл ту посуду, что не успела сполоснуть официантка, каждый раз тихо ругая ее за лень. Так продолжалось около года. В один из дней он не пришел, а потом его заменил белый парень, тоже, как и сгинувший Роб, тихий и явно сидящий на какой-то «дряни» (если бы не иной цвет кожи, Майкл счел бы их близнецами). Этого «нарика» звали Том.

Удивительно, но именно Том стал первым, с кем у Майкла завязалось хоть какое-то подобие близких отношений. Как рассказывал сам «нарик», его привели сюда те самые наркодилеры, которые толкали дурь прямо в кафе и неплохо платили за эту привилегию находчивому Эрнесто. Майкл знал дилеров только по кличкам – Конь и Грузовик. Конь был черным, явно стероидным качком, а Грузовик – латиносом, жирным, почти круглым, и очень неповоротливым, как гиппопотам. Что свело этих бугаев вместе, оставалось для Майкла загадкой; впрочем, разгадывать ее он никакого желания не имел. Эрнесто застолбил для «сладкой парочки» местечко у окна, отгородив его от остальных посетителей дешевой, но симпатичной китайской ширмой. Вышибала, как и обещал боссу, к ним даже не заглядывал: дилеры могли решить любые проблемы без посторонней помощи, тем более что оба повсюду ходили с оружием.

Но однажды они сами позвали Дилана к себе.

– Майк! – Конь высунулся из-за ширмы, чтобы взглядом проводить очередного перепуганного задохлика с Манхэттена, прикатившего в Бронкс на дорогом автомобиле ради вожденной порции «бодрости». – Поди сюда. Разговор есть.

– Сейчас буду, – нехотя отозвался вышибала.

Майклу эти двое не нравились, впрочем, как и почти все в этом гнилом, забытом богом местечке. Поэтому прежде, чем идти, он дослушал выступление одного из полковников Легиона, обещавшего раздавить наркокартели на подшефной территории. Потом пошли сообщения о перестрелках на границе с Мексикой, опять что-то о растущей как на дрожжах коррупции в полиции... Все это портило настроение, особенно если учесть, в какой обстановке подобные новости приходилось слушать.

– Что нужно? – напрямик спросил Майкл, наконец снисходя к торгашам.

– Ты где раньше работал? – не оборачиваясь, спросил Грузовик, выставив на подоконник многочисленные бутылочки с кетчупом, перечницы и солонки. Так они на неизвестном Майклу коде сообщали клиентам об ассортименте и ценах. – В армии служил или в полиции?

– Тебе-то что за дело? – Майкл проработал у Эрнесто уже достаточно, чтобы чувствовать себя в своей тарелке. – Думай о тех, кто сейчас в полиции служит.

– Об этих уже за нас подумали! – ухмыльнулся Конь. Он попил виски, закинув ноги прямо на стол. – Грузовик, а не пора ли нам просто выставить снаружи объявление, где все будет доходчиво написано по-английски?

– Не все понимают по-английски. Так что давай-ка лучше по старинке. – Отступив от подоконника, Грузовик тоже уселся на стул. – Как ты знаешь, Майк, наш друг Эрнесто потерял уборщика. А ведь хороший уборщик сейчас большая редкость! Такой, чтобы не воровал стулья, не обгадился тут же ночью и не сдох от передоза, не домыв чашки. Но у нас, к счастью для Эрнесто, есть один замечательный клиент, смирный и весьма работоспособный. Он как раз сейчас придет. Мы думаем, Эрнесто его наймет. Практически не сомневаемся в этом.

– Ну и мне-то что с того?

– А ну-ка не груби! – Грузовик надул жирные щеки и в сердцах хлопнул огромной пятерней, унизанной перстнями, по столешнице. – Мы как-никак вместе тут работаем.

Майкл промолчал.

– Так вот, – продолжил Грузовик после короткой паузы, – наш приятель Том тут уже бывал и обмолвился, что как-то уже видел тебя до этого. А прежде этот дурак, кстати говоря, служил родине, той самой, которая потом на него болт положила. Так вот мы хотим, чтобы Том на тебя хорошенько посмотрел еще разок...

– Я не статуя Свободы, чтобы меня рассматривать!

Майкл собирался вернуться в зал, когда Конь вдруг вскочил и наставил на его револьвер. Отчего-то он предпочитал именно этот тип оружия – возможно, в детстве пересмотрел старых вестернов.

– Стой, где стоишь, тварь! – процедил наркодилер, держа ствол в согнутой руке. – Чистенький ты чересчур, и этим давно меня бесишь!

– Конь, ну ты же и сам чистый! – Майкл примирительно поднял руки и сделал крохотный шаг вперед, нарочно сокращая дистанцию. – Ты ведь только других травишь, за их же деньги.

– Не шути со мной! – возмутился Конь, хотя Майкл и не думал шутить. – Повернись! Медленно! И без глупостей!

Хоть Конь и не походил на толкового стрелка, но револьвер направил прямо в сердце, а не в лицо, как какой-нибудь дилетант. Майкл не знал, изображал ли дилер бешенство или в самом деле его испытывал, но курок он взвел, и теперь револьвер так и плясал у него в руке. Дилан начал медленно поворачиваться, прикидывая, как бы половчее уйти с линии огня, но тут к делу подключился Грузовик – обратившись к вышибале, он тоже наставил на него свой пистолет. Латинос в отличие от Коня выглядел совершенно спокойным, если не сказать безмятежным.

«Шансов маловато, – пришлось про себя признать Майклу. – Ну кого же я увижу?»

Повернувшись, он уставился на Тома. Худой парень среднего роста, с редкой растрепанной бороденкой; в целом практически точная копия прошлого уборщика, хоть тот и был негром. Возраст Тома, как и в случае с большинством злостных наркоманов, определить было практически невозможно – где-то около тридцати, плюс-минус пять лет. Глаза тусклые, печальные, с дряблыми мешками, и еще слышно, как он тихо стучит зубами – профессиональная привычка, что поделать?..

– Здоров, Том. Так ты его точно раньше видел? – Конь ткнул револьвером в спину Майкла. – Вспоминай.

– Ну, видел, – кивнул Том, которого Майкл, как ни старался, вспомнить не мог. – В Афганистане он был.

– Так он, значит, армейский?

– Ага, – так же равнодушно подтвердил Том. – Морпех. Я же говорил: помню его в форме.

– О'кей. – Конь несильно толкнул Майкла. – Свободен, Майк. И это... в общем, не держи зла. Хотя сейчас времена и поменялись, а копов, пусть и бывших, или еще каких борцов за общественный порядок мы тут терпеть не можем. Но ты не коп, солдат, а это... другое, в общем. Покажи Тому, где взять швабру или что там ему полагается для работы, и можешь быть свободен.

Майкл, не оборачиваясь, вышел из-за ширмы. В углу зала, как обычно, сидели друзья Эрнесто, то ли родственники, то ли просто бездельники – кто их разберет, этих испаноязычных болтунов? За одним столиком жадно ел пиццу какой-то грязный тип, за другим сидели опрятные парень и девушка, явно забредшие сюда из кварталов почище. Парень тут же встал и отправился к наркодилерам. Его подружка, прижимая к груди пухлую сумочку, бросила быстрый взгляд в окно на припаркованный автомобиль.

– Не беспокойтесь, – язвительно сказал ей Майкл. – От нашего кафе машины не угоняют. Наш босс всегда заботится о своих посетителях, святой человек, точно вам говорю! Может, вам кофе принести?

– Благодарю, не надо. – Девушка потупилась. – Я просто с другом приехала.

– И правильно: кофе сегодня – полное дерьмо, – заявила прислонившаяся к косяку официантка, подавив зевок. – Майк, что это за чучело рядом с тобой?

Том с безразличным видом стоял рядом с вышибалой и тупо смотрел Майклу в ухо, будто там кино показывали или цветной мультик. Кивком головы пригласив «нарика» следовать за собой, вышибала прошел к камерке с инвентарем. Следовало все же разобраться, в самом ли деле его видел этот блаженный или ему пригрезилось все, начиная от самой службы и заканчивая их встречей в Афганистане? В любом случае форму морпеха Майкл не носил никогда.

– Вот тут все, что может тебе понадобится, – сказал Дилан. – Уборка после закрытия, грязная посуда тоже на тебе. Все понятно?

– Ага. – Том смотрел не в глаза, а как будто на подбородок собеседника. – Ты ведь ушел из Легиона, да? Там тоже оказались подонки?

Услышанное немало удивило Майкла. Он снова попытался вспомнить Тома, мысленно убрав мешки из-под его глаз, сероватый оттенок кожи и эту дурацкую бородку, из-за которой парень походил на чертова хиппи, но так и не смог. Лицо «нарика» казалось абсолютно незнакомым. То ли дурная привычка так изменила парня, то ли Дилан его отчего-то не запомнил... то ли они все-таки никогда и не встречались или, допустим, издали друг друга видели, может, но на этом и все.

А между тем дело принимало весьма нежелательный оборот: Майкл только-только начал что-то узнавать о людях из Синдиката, обосновавшихся в Южном Бронксе, как вдруг появился этот вот Том с его не в меру развитой памятью на лица. Если люди в округе узнают, что Майкл прежде был как-то связан с Легионом, это может для него очень плохо закончиться.

– Кто ты? – напрямик спросил вышибала, для убедительности встряхнув новоявленного уборщика за плечи.

– Меня зовут Том! – Наркоман беззастенчиво посмотрел Майклу прямо в глаза и обезоруживающе улыбнулся. – Просто Том.

– И откуда же ты взялся, просто Том?

– Я ночую на парковке, в двух кварталах отсюда. Там все знают, что я действительно просто Том, можешь сам у них спросить, ей-ей! А вот раньше... Это тоже все знают, меж прочим! Раньше вот я служил в... гхм... аэродромном обеспечении. Вместе с парнями был в Афганистане. Я даже генерала Тейлора видел. До того, как он вышел в отставку. Или после... Нет, раньше. Но тогда он не был генералом, кажется. Я три раза ездил в Афганистан, прикинь?

– И когда же ты видел там меня?

– Ну, когда ездил туда в последний раз... наверное... – Том задумался и стал разглядывать пуговицы на рубашке вышибалы. – Красивые... Точно не скажу. Был взрыв, и откуда-то стреляли. Я не знаю, кто стрелял, может быть, и наши стреляли, и афганцы стреляли. Или только наши. Но самолеты горели, а люди кричали, что взорвался склад с топливом. Это вряд ли, потому что тогда бы я не выжил, я был рядом и мог запросто...

– Быстрее! – Майкл на миг высунулся из каптерки, оглядел зал. По счастью, в кафе все было тихо. – Говори, где ты видел меня?

– В Афганистане, – уверенно ответил Том.

– Да точнее же, точнее! Все побежали, взрыв... дальше что?

– Ох, что ж там было... В общем, меня ударили. Сильно, по голове. Уже в городе, наверное. Я не помню, прикинь? Сказали потом, что в городе, но я не помню! И я с еще двумя... Или тремя... Нас увезли в горы, грозили отрезать головы. Несколько дней мы там были, я не помню, я почти все время лежал. Меня били, но я не мог встать. Потом стреляли... а потом я видел тебя в машине. Ты дал мне воды. Легионеры тогда спасли нас, я так и сказал следователям. Но они говорили, что мы дезертиры и паникеры, оставили часть. Или только я... Не помню. А про Легион сказали, что я вру, и что у меня больная голова, и что вообще я какой-то бедовый. В общем, я тогда подписал бумаги, и меня уволили. Отправили в Штаты, обратно. Теперь я здесь. А ты дал мне воды. И все вокруг говорили: это Легион. Но следователи сказали, что я перепутал. Что это был кто угодно, но не Легион. И что вообще ничего не было. Но я-то знаю, что было.

Том снова поднял глаза, как бы спрашивая: «Ну что тебе еще нужно? Я рассказал все, что знал».

Вот теперь все и вправду стало ясно. Этот бедолага был одним из тех, кого Майкл и другие парни вытащили из плена во время его самого первого рейда. Они накрыли склад наркоторговцев в горах, и в одном из домов нашли американских пленных. Действительно, в тот период была знаменитая атака на аэродром в Баграте, где Том, если верить его словам, служил в обеспечении.

– Следователи правы, Том. Ты ошибаешься. Я никогда не служил в Легионе.

– Да? Ну, хорошо. Зря я тогда соврал тем двум придуркам, что ты морпех.

– Э-э-э... – Майкл почесал затылок. – Знаешь, давай мы с тобой так и условимся, что я все-таки морпех. Ладно?

– Как скажешь. Значит, в Легионе тоже подонки, да? – Том беззлобно ухмыльнулся. – Я так и думал. Я часто думаю там, на парковке, только получается не очень, много что отвлекает, прикинь? Но, я думаю, все подонки они, подонки и есть!.. Но ты дал мне воды. Я обрадовался, когда тебя увидел. Думаю, круто иметь знакомое лицо, все такое. Можно, я буду тут работать?

– Работай, – милостиво разрешил Майкл.

Ему очень хотелось сказать, что все не так, что Легион и правда служит добру и что в генерала Тейлора и его дело можно и нужно верить, несмотря на всю ту ложь, которую умышленно тиражируют СМИ с подачи Эдварда Уоррена. Но стоит ли заводить такие разговоры с законченным нарколыгой? Наверное, нет. Во всяком случае, не теперь, когда его мозг практически превратился в кашу.

Вышибала уже собирался уйти из каптерки, когда Том, с равнодушным видом копаясь в старом уборщицком инвентаре, пробормотал:

– А Грузовик служил в Синдикате.

Майкл замер на пороге, медленно оглянулся через плечо.

– У него даже наколка на плече имеется, – заверил Том и хлопком указал, где именно у латиноса находится татуировка. – Вот прямо тут. Тоже подонок... да все они подонки, кругом подонки. Тут вообще часто подонки из Синдиката ходят, их еще китайские подонки охраняют.

– Ты об этом лучше помалкивай, ладно? – понизив голос, попросил Майкл. – Со мной только можешь об этом, и то – вечером, когда на работу придешь. Добро?

– Как скажешь. Ты мне воды дал. Ты не подонок... наверное. Хотя все подонки, но ты... А, не знаю. А я не болтаю, да. У меня был приятель, тот болтал. Ему нижнюю челюсть «лисы» отстрелили, он лежал еще часа три, а потом совсем

подох. Я тоже подохну, но лучше не так... и попозже.

До закрытия кафе оставалось еще больше часа. Как всегда в это время появился хмурый Эрнесто, кивнул официантке и скрылся за китайской ширмой – пошел к наркодилерам за причитающейся долей. Вскоре Конь и Грузовик ушли, причем Конь по-дружески, как ни в чем не бывало хлопнул Майкла по плечу. Вышибала с трудом сдержался, чтобы не сломать дилеру руку.

Дилану было стыдно. Почему, ну почему же он раньше никогда не задумывался о том, чего ради китайцы позволяют этой парочке бугаев продавать дурь прямо у себя под носом? Майкл не видел, чтобы они делились с ними, но теперь его одолевали сомнения.

«В самом ли деле все, кто приходит к ним за ширму – обычные наркоманы?»

Учитывая сложившуюся в районе ситуацию, таким макаром было бы удобно принимать связных. В самом деле, не открывать же здесь пекарню или ателье? А перекресток весьма удобен для гостей. Ну и полиции здесь, в принципе, давно уже нет, так же как и какого-либо закона, кроме закона самой банды «лисов».

Майкл, который остался тут только для того, чтобы что-нибудь разузнать о Синдикате, готов был прыгать от радости. Он был уверен, что даже Хадсон и прочие легионовцы по достоинству оценят эту информацию. А простому люду, надо думать, подобные новости и вовсе покажутся сенсационными: подумать только – Синдикат, прикрывшись благими намерениями, крышует банды и наркоторговлю! И не где-нибудь в экзотических странах (хотя там – тоже!), но и прямо здесь, в США!.. Тейлор такого точно бы не потерпел. Но у него слишком много дел, сил Легиона не хватает, чтобы успеть везде, и так приходится в иные места, вроде того же Кувейта, отправлять вчерашних тинейджеров, еще не оперившихся, не проникшихся до конца этим освободительным духом...

Но вот если бы Майкл смог узнать, куда именно нужно ударить, где ключевые точки сформировавшейся системы, явно проникшей и в мэрию, и во власти штата Нью-Йорк, и даже – чем черт не шутит – в парламент, вот тогда было бы куда как проще.

Ну и, конечно, нужны доказательства, которые можно предъявить СМИ: мол, тут орудует именно Синдикат, а все их слова о подлинных планах Легиона и

генерала, который якобы стремится к мировому господству, – ложь и вообще бред сумасшедшего!

Вечерами Майкл мечтал, что вот-вот зазвонит его секретный мобильник, что Хадсон назначит встречу, и Майкл явится на нее не с пустыми руками, а с пухлым конвертом, доверху набитым всевозможным компроматом – имена, явки, пароли...

Однако то были лишь мечты.

Как ни старался Майкл что-то разнюхать, поначалу ему не удалось найти никаких следов Синдиката. Даже пресловутая надпись на стене, про которую ему год назад говорил Эрнесто, была давно замазана местными художниками-«граффитчиками».

И все же постоянное, осторожное, даже робкое наблюдение за перекрестком дало кое-какие результаты.

Несколько раз Майкл видел, как к китайскому заведению подъезжали весьма приличные машины, из которых выходили люди в хаки или дорогих костюмах. Изловчившись, он ухитрился незаметно сфотографировать два номера и даже отыскал эти машины в Сети: одна случайно попала в кадр возле здания ООН, а после возле иракского посольства, другая засветилась в Канаде, возле правительственных зданий. Словом, это была уже пусть и небольшая, но все же зацепка.

И хотя лиц пассажиров ему рассмотреть не удалось, Майкл не сомневался, что эти типы приезжали в Южный Бронкс не за порцией наркоты и не за острыми ощущениями. При необходимости им такие вещи доставляли прямо на дом. Нет, здесь они явно с кем-то встречались.

С кем? Вопрос, несмотря на все усилия Майкла, по-прежнему оставался открытым.

Тем не менее время шло, майор, как казалось Майклу, уже вот-вот должен был позвонить, но информации все еще было слишком мало. Посетители кафе о новостях болтали немного и неохотно да и вообще были неразговорчивы. Если, конечно, не брать в расчет испаноязычных приятелей Эрнесто, которые

щебетали, что твои канарейки – долго и с охоткой.

Но вот появился Том и с ходу дал очень солидную зацепку. И потому Майкл едва ли не выталкивал последних клиентов из кафе, чтобы закрыть наконец двери и вывесить табличку «Закрыто». Опустив жалюзи, он против обыкновения вернулся в кафе через грязную кухню. Том уже возил грязь по полу в зале, как обычно, методично и неторопливо, с глупой улыбкой уставившись в стену перед собой. Заслышав шаги, он покосился на Майкла, но ничего не сказал – просто продолжил работать, с той же идиотской улыбочкой блаженного идиота.

– Хочешь виски? – Майкл решил, что сегодня самый что ни на есть подходящий случай, чтобы запустить руку в запасы Эрнесто, кои до сих пор оставались им неизведанными. – Дрянное, конечно, но и не отравка какая.

– Да нет, я выпить не любитель. Я б, честно сказать, лучше мета курнул. – Том мечтательно облизал губы. – У тебя, часом, нигде ничего такого... не завалилось?

– Не употребляю, – раздраженно процедил Майкл. Теперь он не знал, как разговорить уборщика. – Да и тебе, честно сказать, тоже стоило бы завязать.

– Голова болит, когда завязываю, – пояснил Том, неуклюже орудуя шваброй. – Меня же ударили по голове тогда, в Афганистане, забыл?

Все же достав из тайника бутылку плохенького вискаря, Майкл уселся за столик и поставил перед собой два стакана – на случай, если Том вдруг передумает. Он решил не спешить, ведь похоже было, что сосредоточиться на чем-то долго наркоша не может и информацию из него «вытянуть» не получится. Оставалось надеяться на то, что она выплеснется сама, но пока Том отмалчивался, и нужно было как-то помочь ему избавиться от этой неуместной скованности.

– А у Коня есть тату? – опасливо принохиваясь к виски, спросил Дилан.

– Конь живет где-то за городом. Я там не был, не видел его без рубахи. Он, наверное, хорошо живет. А Грузовик ленивый, он далеко не стал бы ездить. Он тут живет, недалеко. Но в гости не придешь: там китайцы сразу чужих встречают с такими минами, будто убить хотят, прикинь? «Лисы» – они очень опасные, точно тебе говорю. Но некоторым можно там жить. И я там живу, с друзьями. Только мы на парковке, а Грузовик, Джек и еще... Забыл, как их зовут.

Им можно в доме жить. Восьмиэтажный, старый... Там, наверное, хорошо жить. Вода есть. Душ.

– Ты, кстати, если хочешь, можешь тут сполоснуться, на кухне, – подсказал Майкл, надеясь задобрить Тома. – Шланг только надо подключить, и мойся себе на здоровье. Я тебе даже шампунь дам.

– Не, мыться не хочу. – Том задумчиво почесался. – Я бы лучше, веришь-нет, курнул чего-нибудь. Но у меня есть, за парковкой, не переживай. Я на обратной дороге тогда лучше расслаблюсь, ага.

– Ну так у Грузовика ты тату все-таки видел, верно я понял? – с нажимом поинтересовался Майкл, возвращая разговор в прежнее русло: болтать о припрятанной дозе Тома ему хотелось не слишком.

– Ну да, ему жарко бывает, он тогда у окна сидит, голый, наверное. А может, в трусах, мне не видно. У него на плече «Синдикат» написано и орел парит, как будто. Что-то еще... Не помню.

– Думаешь, он служил в Синдикате? – Майкл решился отхлебнуть и тут же пожалел об этом: скривившись, он тяжело задышал, будто только что проглотил ежа. – Какой-то он... не очень спортивный. Разве взяли бы такого?

– Грузовик говорит, что он просто болеет. Но стреляет хорошо, я видел. Один раз они с Конем вечером шли, и два каких-то «нарика» напали на них. Конь замешкался, а Грузовик обоих пристрелил. То есть совсем. Убил, прикинь? Китайцы прибежали, а уже поздно. И Грузовик орал на них.

– Что сказал? – Майкл наострил уши.

– Сказал, что они козлы узкоглазые, и он если скажет, кому надо, то им всем яйца оторвут. Конь его в бок толкал, но Грузовик очень рассердился. Еще сказал, что им оружие не для понтов поставляют. – Том вдруг остановился и оперся на швабру. – Понятно, почему мне показалось, что я тебя в Легионе видел. Я их куртки видел.

– Где? – Вот теперь Майкл отставил стакан с пойлом. – Тут что, легионовцы были? Вот прямо тут?

– Нет-нет! Только форма. Грузовик на нашей парковке разгружали ночью, и остановились отдохнуть. Эти «лисы» ленивые такие, ага. А мы с Кривым Эдом хотели что-нибудь стащить незаметно, но там, прикинь, была форма Легиона, а ее разве продашь? Хотя куртки хорошие. Куртку я бы как-нибудь продал. Но тогда испугался.

– Они выгружали форму Легиона? И где же она теперь? – Майкл подошел вплотную. – Покажешь дом?

– Мне еще убираться...

– Я сам закончу. Идем.

Жажда действий! Вот что мучило его все это время! Через десять минут они с Томом уже шли по району. В кармане куртки Майкл сжимал отобранный у наркомана дамский револьвер. Вокруг было довольно тихо: тут просто некого было грабить, и окрестная шпана по ночам предпочитала разбредаться по округе. Том свернул во дворы и, немного попетляв, вывел сопровождающего к парковке. Рядом с ними оказались две давно сгоревшие машины. Остальное пространство было пусто, не считая нескольких автомобилей напротив, у дома из красного кирпича.

– Вот тут я и живу! – Том указал в сторону, где виднелся костерок. Несколько фигур бродяг толпились вокруг него, видно, в попытке согреться. – Нас не трогают. Мы днем деньги ищем, а вечером что нашли, им приносим и покупаем. Если у них не покупать, «лисы» сильно злятся. Хотя их главные об этом не знают. Секрет, прикинь?

– Так форма Легиона хранится в этом доме? – Майклу неинтересно было слушать о наркоманах и их взаимоотношениях с «лисами».

– В подвале. Видишь дверь? Там и форма, и оружие. Они что-то затеяли. Не люблю Синдикат. И Легион тоже, кругом подонки.

«Тут и думать нечего: затевают провокацию! – подумал Майкл со злорадством. – Не знаю, что конкретно они задумали, но явно готовят красивую картинку. А ведь Тейлор говорил, что правоохранение в гетто и подобных районах надо полностью передать добровольным дружинам во главе с Легионом... Вот за это они, наверное, и зацепятся! Покажут, как Легион начинает насаждать добродетели против воли живущих здесь граждан. Жестокость, насилие, кровь... Это никому не понравится. Ну что ж, мой генерал, позвольте мне еще раз продемонстрировать вам, насколько я преданный солдат?»

Вышибала быстро простился с Томом и направился обратно к кафе. Во дворах он немного заплутал, но направление помнил и уже почти вышел к дороге, когда путь ему преградили двое «лисов». Только тут Майкл сообразил, что Том скорее всего знал, где расположены посты и нарочно петлял, чтобы провести нового приятеля.

– Я заблудился, парни. Ну, и еще отлил тут, за углом. – Майкл попытался изобразить голосом смущение и благоговейный страх. – Простите, что шляюсь. Я работаю у Эрнесто, вы наверняка меня видели!

– Видели. – Один из китайцев посветил ему в лицо фонариком. – И ты, честно говоря, нам сразу не понравился. Что тут делает белый парень, а?

– Я работаю у Эрнесто, – повторил Майкл. – Я вышибала.

– Ты – вышибала? – Второй китаец красивым, но медленным движением выхватил из-под куртки большой пистолет. – Вот это – вышибала. Потому что вышибет все мозги из башки в два счета! А ты, белый парень, не вышибала. Ты – просто чмо, понял? А ну проваливай, давай!

– Понял, я все понял... – Майкл благоразумно съел оскорбление, поднял руки и бочком протиснулся мимо уличных гангстеров. – Не сомневайтесь, господа, мы больше не придем...

На прощание он получил обидного пинка. С трудом заставив себя забыть об этом, Майкл поднялся к себе в комнату и спешно отыскал в Сети страницу Легиона. Здесь были телефоны для добровольцев и помощников.

Майкл закусил губу так сильно, что вскоре почувствовал солоноватый привкус крови во рту.

Звонить или нет?

Он задумался. Что, если попутно контрразведка Легиона заинтересуется им? Это вообще-то даже их долг. Ведь он не о пустяке сообщит и не стодолларовое пожертвование перечислит. Тогда они могут узнать, что под именем Майкла Дилана скрывается Михаил Вихров, некогда опозоривший Легион. После этого ему уже никто не поверит. Совравший раз совет не единожды, горькая правда!..

Не слишком хорошо разбираясь в устройстве Сети, Майкл все же решил попытаться сохранить инкогнито и вошел на сайт Легиона через анонимайзер. В «сообщении-онлайн» он изложил суть дела, свои подозрения и указал точный адрес дома, который пробил на карте города. Захлопнув ноутбук, Майкл понял, что дышит тяжело и часто, будто после ожесточенного боя.

– Ну и размяк! – отругал он себя. – У снайпера дыхание должно быть ровное, спокойное, иначе как он будет работать по цели?

«Ну, теперь только ждать. Только бы поскорее, только бы поверили!..»

– Скорее не можешь, а?! – закричала за тонкой стенкой официантка, которая сейчас занималась другим своим ремеслом, куда более изнурительным, чем таскание чашек и тарелок из кухни в зал и обратно. – Сколько можно-то? Мне спать нужно хоть иногда!

Ей что-то ответили хриплым басом, и снова заскрипела старая кровать. К этому монотонному звуку Майкл успел так привыкнуть, что уже даже не замечал его.

«Ну. Ты. И. Размяк, – мысленно повторил он. – И зачем ты такой нужен Тейлору? Соберись. Ты снова на службе, просто генерал еще об этом не знает. Но однажды тебе позвонят, и все вернется на круги своя...»

Майкл лег на койку и попытался уснуть, но каждый раз, когда по улице проезжала машина, он машинально открывал глаза и прислушивался. Может

быть, они уже здесь? Может быть, они за ним придут и увезут его туда, где хороший снайпер нужен куда больше, чем в этом чертовом Гнилом Яблоке?

Он не знал, что ждать предстояло еще несколько месяцев.

* * *

Удивительно, но заторможенный «нарик» Том, которого официантки меж собой прозвали Слоу (что значило «медленный» на английском), задержался в «Улыбке Эрнесто» дольше, чем того ждали все без исключения обитатели кафе. Шли месяцы, а он продолжал ежедневно приходить сюда, надевать фартук и с той же дурацкой улыбкой елозить шваброй по полу. Впрочем, его предшественник, чернокожий «близнец», продержался даже дольше, так что ничего особого выдающегося в достижении «нарика» не было.

Друзей среди сотрудников кафе у Тома так и не завелось, если не считать Майкла. Тот иногда с ним заговаривал, иногда нет, по настроению. Бывший легионер все пытался вытащить из Тома нужную ему информацию, но «нарик» то ли не знал ничего, кроме уже рассказанного, то ли просто не решался еще больше откровенничать с вышибалой – пусть тот однажды и дал ему воды (о чем Том любил повторять денно и нощно), а своя рубашка все ж ближе к телу. Так они и существовали в двух соседних мирах, изредка, когда Дилан, отчаявшийся найти что-то без подсказки, обрушивался на уборщика с новой порцией вопросов, вступая в контакт, но и на этом все. Общих интересов, кроме Синдиката, у вышибалы и «нарика» не было, а следовательно, и говорить чаще, чем обычно, поводов не имелось.

Однако в тот злополучный день все пошло не так, как обычно.

Началось с того, что Том опаздывал. Майкл невольно поймал себя на мысли, что периодически смотрит на часы и даже начинает немного волноваться в душе за придурковатого уборщика. Он не хотел себе в этом признаваться, но за то время, что они с «нариком» общались, Дилан невольно привязался к нему, как обычно привязываются к ненужной вроде бы вещи, о которой начинаешь скучать, когда она пропадает или портится.

Еще вчера Том мыл пол, посуду, улыбаясь одной из дебильных своих улыбок, и вдруг – ра-а-аз!.. – и не пришел. Помнится, с его чернокожим предшественником случилась та же история – однажды он просто пропал и больше уже не появился.

Впрочем, делать какие-то выводы было рановато. Может, он в конце концов просто проспал – Том как-то обмолвился, что любит прикорнуть перед вечерней сменой. Ну, чтобы потом носом не клевать. А перед тем как сомкнуть глаза, он наверняка чем-нибудь закидывается, чтобы лучше спалось... или курит свой излюбленный мет... В общем, вряд ли ложится без специфического снотворного.

Возможно, в этот раз он просто переборщил с дозой и проспал будильник. Или совсем забыл его завести, а теперь мечется по квартире, ища второй носок или первые брюки...

Логично? Вполне. Однако унять тревогу, зреющую в душе, оказалось не так-то просто. Предчувствуя нечто ужасное, Майкл бродил по кафе, как тигр в клетке, то и дело выглядывая наружу и посматривая на часы.

И вот наконец он увидел Тома.

Пожалуй, впервые за все время, что они были знакомы, Майкл видел его таким... эмоциональным – таким напуганным, растерянным, участливым... Том опрометью неся по улице, а следом за ним бежали двое хмурых китайцев с битами. Судя по ожесточенным лицам, настроены они были весьма серьезно.

При виде «лисов» все внутри Майкла обмерло. Эрнесто любил повторять: «Если китайцы кого-то наметили прикончить, даже не думай вставать у них на пути – бедолагу ты уже не спасешь в любом случае, а так еще и сам жизни лишишься!» Что это могло значить в данном конкретном случае? Судя по всему, то, что Майкл видел Тома в последний раз. По крайней мере в последний раз живым.

Запыхавшийся «нарик» уже почти достиг перекрестка, но неловко споткнулся о собственную ногу и распластался на тротуаре. Китайцы, поняв, что жертва никуда уже не денется, перешли на шаг. Вразвалочку они приблизились к барахтающемуся на земле Тому и стали нарезать вокруг него круги, презрительно глядя на несчастного уборщика сверху вниз и демонстративно поигрывая битами.

Сглотнув набежавший в горле ком, Майкл бросил взгляд на парадную дверь. Эрнесто в таких случаях требует запереться изнутри, опускать жалюзи и сваливать через черный ход. И уж точно он запрещает пялиться на разгуливающих снаружи «лисов», поскольку те вполне могут покарать тебя за излишнее любопытство – да так, что ты потом вообще ни на кого пялиться не сможешь.

И тем не менее Дилан просто не мог отвести взгляд от странного танца смерти, который отплясывали китайцы с битами вокруг отчаявшегося Тома, который не хуже вышибалы понимал, что все кончено. Майкл не знал, чем провинился уборщик, который по общему мнению, даже мухи бы не обидел, но методы китайцев определенно шли вразрез со всеми принципами, которых придерживался вышибала еще в бытность снайпером Легиона. Ивонна, сломавшая ему карьеру, была мразью, но он все равно жалел о содеянном. А «лисы»... «Лисы», судя по всему, мнили свои проделки еще более безобидной шалостью, чем обычная рыбалка. Право на убийство даже не как привилегия сильного или дар свыше, а как ежедневная рутина.

«И ради чего тогда весь наш Легион, если прямо у нас на глазах происходит подобное?» – думал Майкл, наблюдая за китайцами.

Один из них как раз опустился на корточки рядом с «нариком». Том под его насмешливым взглядом замер, боялся даже дышать. Майкл понял, что сейчас произойдет. Увидел ясно, словно фантастический пророк. И ужаснулся, не желая терять единственную ниточку, способную, как он думал, привести его к боссам Синдиката.

Им овладели инстинкты. Вышибала резко шагнул к двери, распахнул ее и вышел наружу. Разум требовал Майкла вернуться обратно, отсидеться в кафе, пока «лисы» не закончат начатое и не уйдут. Но само естество Дилана противилось тому беспределу, который вознамерились учинить китайцы с битами.

Они услышали шаги и разом обратились к нему, присевший «лис» даже по такому случаю снова поднялся. Только Том не поворачивал головы, все еще находясь в ступоре.

– Тебе чего, Белоснежка? – нагло сощурившись, спросил один из китайцев, с бородкой-«клинышком» под толстой нижней губой.

– Не хочу показаться грубым, – останавливаясь в нескольких футах от «лисов», медленно произнес Майкл, – но вы, кажется, нашего уборщика напугали.

– Вот как? – делано удивился второй, с черными волосами, собранными сзади в хвост.

– Это ничего страшного! – спешно добавил вышибала. – Я сейчас его подберу и унесу в кафе, только и всего.

Он сделал было шаг в направлении Тома, но Бородка выставил перед собой битую на манер шпаги и покачал головой. Майкл послушно остановился. Взгляд его скользил от одного китаица к другому и обратно. Судя по тому, как топорщилась куртка Хвоста, под ней у него была кобура с пистолетом. Бородка, казалось, вооружен только битой, но обольщаться на его счет Дилан не собирался – «лис» вполне мог таскать пистолет за поясом сзади, под курткой, как делают крутые, но не очень умные парни, которые не слишком-то боятся отстрелить себе ползадницы.

«Итак, будем считать, что они оба вооружены стволами!» – напутствовал себя Майкл.

Его трофейный дамский револьвер лежал в правом кармане куртки, и Дилан благоразумно засунул туда руку, еще находясь в кафе, – чтобы не пришлось тянуться за оружием на глазах у «лисов». Пальцы сомкнулись на рукоятке, указательный машинально поглаживал спусковой крючок. Если кто-то из китаицев рыпнется, Майкл живо покажет ему ствол. И даже выстрелит, если он вдруг покажется зарвавшимся «лисам» не слишком внушительным на вид.

– Ты ищешь неприятностей, белый парень? – процедил Бородка, презрительно глядя на вышибалу. – Твой хозяин умный, не связывается, никто не связывается... а ты, похоже, дурак?

Майкл стоял, не шелохнувшись. Теперь пути назад уже не было. «Лисы» завелись и отдавать добычу в лице Тома явно не намерены. Скорее, теперь они захотят расправиться не с одним наглым белым парнем, а сразу с двумя.

– Я дам тебе всего один шанс, – заявил Хвост и мотнул головой в сторону кафе. – Иначе тебе не жить, глупый белый парень.

Казалось бы, вот она, единственная возможность уйти, надо же, какое удивительное везение!.. Однако Майкл даже не шелохнулся. Он наслышан был о шансах, которые дают «лисы» своим жертвам – они заверяют, что ты можешь уйти, а потом стреляют тебе в спину, усмехаясь твоей доверчивости. Что им известно о чести, о совести, обо всех добродетелях, к которым взывает Тейлор во время публичных выступлений под прицелами телекамер? Во время одного из последних интервью обожаемый генерал сказал фразу, которая запала Майклу прямо в душу: «Если Эдвард Уоррен считает, что быть совестливым старомодно, что стремление поступить по зову сердца – пережиток прошлого, что ж, пусть считает меня консерватором. Но я искренне верю, что у чести нет срока годности».

И Дилан был полностью согласен с Тейлором. Что в бытность Мишей Вихровым, что уже став Майклом, он всегда оставался человеком, старающимся всегда поступать по совести. «Лисы» же олицетворяли собой воплощенную подлость, помешанную с бессмысленной, безрассудной жестокостью – иными словами, они были Синдикатом в миниатюре. А бывший легионер Майкл Синдикат ненавидел всеми фибрами души и клялся Тейлору методично истреблять эту мразь.

Вот только мрази было слишком много, а Майкл – всего один. И если «лисы» прознают о его выходке, ему совершенно точно не поздоровится.

«Хлопнуть бы обоих, – подумал Дилан. – Чтоб не рассказали никому. Да кто-то все равно увидит...»

– Ну так что, остаешься? – нетерпеливо спросил Хвост.

Вместо ответа Майкл вытащил из кармана револьвер и направил его на собеседника.

– Вам лучше уйти, – сказал он холодно.

– А ты, я погляжу, смельчак, – усмехнулся Бородка, глядя на миниатюрное оружие в руке вышибалы скорее с неподдельным восторгом, нежели с опаской.

– Это мой друг, – переводя ствол на ухмыляющегося гангстера, сказал Майкл.

– Плохо ты людей в друзья выбираешь, белый парень, – заметил Хвост.

Этот в отличие от спутника держался куда скромней и настороженней. Видно, довелось уже получать огнестрельное ранение, знает, что даже маленький калибр неприятно жалит. И хотя в том, что Дилан и Том уже покойники, Хвост не сомневается, но поймать пулю явно не хочет.

Молчаливая дуэль продолжается минуту, не меньше. Все это время уборщик-«наркоша» усиленно изображает труп, а Майкл, как его предшественник Стив, безрассудно играет с «лисами» в вестерн. Вся атрибутика для этого имеется – тут тебе и хороший парень с револьвером, один против своры негодяев, и невинно-обиженная жертва в лице Тома, и темная безлюдная улица, только перекасти-поля не хватает.

– Был тут до тебя другой белый парень, – продолжил Хвост, глядя на Майкла исподлобья. – Тоже смельчак. Тоже дурак. Твой босс не рассказывал?

– Рассказывал, – нехотя разлепил губы Дилан.

– Зря ты связался с «лисами».

– Может быть. Да только друзей в беде нельзя бросать, кто б их не пытался обидеть – «лисы» ли, «волки»...

– Твой друг умрет так или иначе, – уверенно заявил Бородка. – Только теперь не один, а вместе с тобой.

Держа битую в левой руке, он потянулся было за спину, но Майкл тут же сказал:

– Даже не думай. Стреляю на поражение.

Китаец замер. Лицо его перекосила маска гнева: как может ему, «лису», указывать какой-то вонючий вышибала из дешевого кафе? Но ствол смотрел Бородке в грудь, и он невольно засомневался: а что, если у этого сумасшедшего

белого ублюдка хватит дури нажать на спусковой крючок? Крутость крутостью, но кому он ее будет демонстрировать, если умрет? Мунакру и Накиру, когда они явятся за его душой?

Майкл казался непоколебимой глыбой, даже скалой. Казалось, он и впрямь высечен из камня – только указательный палец елозит по спусковому крючку туда-сюда, готовый моментально среагировать на малейшее движение Бородки. Выбора нет. Он бросил вызов «лисам» и теперь должен идти до конца.

– Гуанмин, – негромко позвал Хвост.

Бородка вздрогнул, скосил глаза в сторону спутника. Хвост едва заметно кивнул ему и, переведя взгляд на вышибалу, сказал:

– Мы уйдем, белый человек. Но мы вернемся, и ты умрешь. И он умрет. – Хвост махнул битой в сторону парализованного страхом Тома. – Ты совершил большую ошибку. И ты за нее ответишь.

Ни один мускул не дрогнул на лице Дилана, хотя он тоже был напуган, да еще как!.. Вышибала невольно снова и снова прокручивал в голове историю бедолаги Стива, которого «лисы» просто изрешетили и бросили прямо на перекрестке. Майкла, судя по всему, теперь ждала та же судьба.

Прежде он думал, что смирится, стерпит, если увидит, как «лисы» нападают на кого-то... но обостренное чувство справедливости, то ли привитое Тейлором, то ли им просто разбуженное в Майкле, не позволило равнодушно смотреть на бесчинства китайцев.

– Гуанмин, – снова сказал Хвост и, одарив Дилана красноречивым взглядом, развернулся, чтобы уйти.

– Скажи Эрнесто, чтобы искал себе нового вышибалу! – воскликнул Бородка с наглой, но явно вымученной улыбкой и устремился следом за товарищем.

Майкл провожал их враждебным взглядом, пока они не скрылись за поворотом. Затем, не выпуская из виду угол, за который свернули «лисы» (а ну как вернутся?..), он подступил к Тому, опустился рядом с ним на корточки и тронул

за плечо.

«Нарик» вздрогнул и, не поднимая головы, простонал:

– Я ничего, ничего не видел!

«Похоже, он что-то видел!» – с интересом отметил про себя вышибала, а вслух сказал:

– Уймись, Том. Это всего лишь я, Майк. Из нашей кафешки.

– Майк?..

– Он самый.

Вывернув шею, «нарик» удивленно уставился на своего спасителя. Улыбка коснулась было его губ, но лишь на миг – и тут же лицо Тома вновь стало обеспокоенным.

– А где... где «лисы»? – робко спросил он.

– Ты что же, ничего не слышал? – поразился Майкл.

– Что не слышал? – не понял «нарик».

– Я вступился за тебя. «Лисы» ушли, но сказали, что мы оба покойники.

– Ты... вступился? За меня?

– Да как ты мог не слышать, ты ж тут лежал?

– Я... я что-то слышал, голоса, но ничего не мог понять, у меня, как будто, мозг отказал на какое-то время, прикинь?

– Не могу прикинуть, если честно, – признался Дилан.

«Это ж сколько надо дури сожрать, чтобы соображалось так туго?» – подумал он, глядя на безуспешные попытки уборщика встать хотя бы на четвереньки.

– Давай помогу? – предложил Майкл, понимая, что сам Том не справится.

«Нарик» охотно согласился. Весил он, как перышко, так что поднять его на ноги Дилану не составило труда.

– Идти сможешь? – спросил вышибала, когда Том при первом же шаге болезненно сморщился.

– Лодыжку подвернул, кажется... – пробормотал уборщик. – Но это ничего, дойду... Только как порядок наводить?

– Порядок? – оторопело усмехнулся Майкл.

За ним только что гнались «лисы» с явным намерением отправить его на тот свет, а он думает о том, как будет прибираться в кафешке с вывихнутой лодыжкой?.. Нет, этот парень явно не в ладах с головой.

«Стоило ли вообще его спасать? Не сегодня-завтра он все равно умрет – не от рук «лисов», так от банального передоза...»

Дилан тут же устыдился собственных недостойных мыслей. Что было бы, если бы генерал Тейлор рассуждал подобным образом? Наверное, никакого Легиона бы тогда не случилось, и Синдикат уже давно беспрепятственно погрузил бы весь мир во тьму...

Нельзя отказывать в помощи заблудшим душам. Нельзя допускать, чтобы зарвавшиеся сволочи, возомнившие себя то ли ангелами-карателями из Священного Писания, то ли и вовсе богами во плоти, безнаказанно истребляли американский народ.

Пока Том ковылял к парадной двери, Майкл опасливо озирался по сторонам, ожидая, что «лисы» вот-вот вернуться с подкреплением и просто втопчут их в асфальт. Но этого, к счастью, не происходило. Возможно, они нарочно не спешили с казнью, чтобы вышибала помучился домыслами и догадками, как и

когда к нему пожалуют палачи. Возможно, у них имелись дела поважней обнаглевшего кафешного вышибалы и его ополоумевшего наркодружка, и они отложили расправу на потом, понимая, что никуда они с Томом не денутся.

– Да ты вообще в своем уме?! – раздраженно воскликнул Майкл, глядя, как уборщик с отстраненным видом берется за швабру и начинает елозить ею по полу.

Том недоуменно уставился на вышибалу. Мозг его будто обнулился: во взгляде не было ни страха, ни злости – только обычная рассеянность, к которой за несколько месяцев успели привыкнуть все, кто хоть немного знал белокожего «нарика».

Разозлившись, Дилан буквально вырвал швабру из слабых рук Тома и отшвырнул ее в сторону.

– Ну что ты делаешь, Майк... – пробормотал «нарик», делая шаг в том направлении, куда она улетела, но вышибала встал у него на пути.

– Здесь нельзя оставаться, – сказал он строго.

– Из-за «лисов»? – облизав пересохшие губы, уточнил Том.

– Да, господи, да, конечно, из-за «лисов»! Я ведь сказал тебе – они пообещали нас убить!

– Ой-ей-ей... – «Нарик», разом обессилев, опустился на ближайший стул и замотал головой. – И как же нам теперь быть?

– Надо валить, пока они не нагрянули, – сказал Майкл.

– Ну так пошли?

Том поднялся и устремился было к двери, но Дилан остановил его, положив руку на хилое плечо:

– погоди. Мне надо забрать кое-что из комнаты наверху.

– А? – не понял Том.

– Просто иди за мной, – на последних остатках терпения выдавил Майкл и увлек «нарика» за собой к лестнице.

В соседней комнате официантки работали вовсю. По крайней мере ахи-вздохи-крики были слышны даже за стеной, да так отчетливо, будто их источник находился в несчастных дюймах от ушей Дилана.

– Да, жеребец! Да! – орала официантка.

– Зови меня «господин директор»! – пробасил мужской голос.

Майкл от неожиданности чуть ключи не выронил. Да, если бы стычка с «лисами» не испортила ему настроение, он бы, наверное, расхохотался. Но, увы, в те мгновения Дилану было не до улыбок.

По-хорошему им бы вообще в кафе не возвращаться – побежать сразу на ближайшую стоянку такси, взять машину и валить, куда хватит скромной налички в карманах. Но Майкл, к сожалению, не имел обыкновения таскать с собой драгоценный мобильник и весь ворох документов, которым его перед увольнением одарил Хадсон. Потерять все это «богатство» значило не просто стать безродным бродягой, но и навсегда распрощаться с Легионом, самолично отказаться от вероятного возвращения под крыло генерала. Нет, разумеется, для людей Тейлора найти кого-то в любой точке мира – не проблема. Но станут ли они искать человека, который умудрился подвести их во второй раз, потеряв все ниточки с организацией? Ответ казался Майклу невероятно очевидным.

Он наконец вскрыл замок и вошел внутрь. Том призраком вплыл следом. Пока Дилан опустошал тайник в углу, «нарик» бродил по комнате, изучая ее с неожиданной щепетильностью опытного риелтора. Спрятав паспорт во внутренний карман куртки, Майкл оглянулся через плечо и обнаружил, что уборщик стоит у самого окна и завороченно смотрит наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pronin_igor/telohranitel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)